

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Ольга ГОЛОТВИНА

КРЫЛЬЯ РАСПАХНУТЬ!

На взлет! Курс держать!

Паруса над облаками

Ольга Голотвина
Крылья распахнуть!

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Голотвина О.

Крылья распахнуть! / О. Голотвина — «АСТ»,
2016 — (Паруса над облаками)

ISBN 978-5-17-100187-2

Если душа зовет в полет – надо лететь! Нет корабля? Нет команды? Нет денег? И в Королевскую небоходную академию принимают только дворян? Значит, не быть Дику Бенцу капитаном-небоходом? Но Бенц не из тех, кто сдается перед судьбой. И пусть небесная дорога заведет его в контрабандисты. Пусть при этом он ухитрится нажать влиятельных и опасных врагов, в том числе и грозный магический орден. Это не устроит Дика. Самое важное для него – видеть паруса над облаками и слышать, как звучат над палубой его корабля три самые главные команды: Крылья распахнуть! На взлет! Курс держать!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100187-2

© Голотвина О., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
I. Обретение команды	11
1	11
2	13
3	16
4	20
5	23
Ожерелье-I. Пророчество	28
1	28
2	30
II. Обретение шхуны	35
1	35
2	42
3	49
4	52
5	56
6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ольга Голотвина

Крылья распахнуть!

© Ольга Голотвина, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*...Говори, мое небо, со мной, говори, распиши все страницы под
облачный шрифт цветом шкуры летучего ската.*

А. Шакирова

*Наталье Сизовой – с благодарностью за постоянную помощь и
поддержку.*

Пролог

*Орлята учатся летать,
Им салютует шум прибоя,
В глазах их небо голубое,
Ничем орлят не испугать,
Орлята учатся летать.*

Н. Добронравов

Корабль шел так низко над берегом, что видны были наглухо задраенные шпигаты «мокрого трюма» и квадратики спасательной сети от бушприта до крыла. Леташа сновали по вантам, готовя корабль к повороту. Мачты были не такими длинными, как у морских судов, и парусов несли меньше. Но для мальчишки, замороженно глядевшего в небо, этот овальный, похожий на рыбу корабль был чудом соразмерности и красоты.

Конечно, парусов меньше! Ведь сам корабль – огромный парус, он не прячется в воде. Потому и днище плоское, и киль маленький.

Зато какие великолепные крылья!

Когда-то мальчик думал, что корабли медленно и редко, словно орлы, взмахивают деревянными крыльями. Но теперь, в солидном девятилетнем возрасте, он знал, что крылья только выравнивают полет. А если доведется сесть не на воду, а на землю, сложенные крылья станут опорами.

Жаль, крыло закрывает капитанскую галерею, подковой охватывающую нос корабля. А то Дик увидел бы капитана! С галереи капитану видно все впереди, сбоку и внизу. И он кричит в переговорную трубу рулевому: «Лево руля!.. Право руля!..»

А руль-то какой замечательный: большой, похожий на рыбий хвост, – чтобы резче были горизонтальные повороты.

Сейчас ветер не попутный. Кораблю приходится лавировать...

– Лави-и-ировать! – вслух протянул мальчишка красивое слово.

По каким землям побежит тень корабля? Может быть, он перевалит Хэдданские горы, по которым бродят упыри и живые мертвецы? Тогда храни корабль Эссея Легкокрылая, хозяйка ветра, чтоб не довелось ему пройти над ущельем «жадного тумана». Скользнет снизу вверх белесая полоса, оплетет корабль, окутает все живое на нем. И лежать в расселине обломкам рухнувшего на камни судна – вперемешку доски и кости...

Парнишка, стоящий по пояс в море, зябко повел лопатками: то ли представил себе это мрачное зрелище, то ли порыв ветра хлестнул его по мокрой коже.

А может, корабль идет не в Джермию, а в Иллию! Он пойдет на снижение над портом Белле-Флори, а прекрасные сеоры и сеореты будут махать платочками с балконов. Дядя говорит: в Иллие самые красивые на свете женщины... И корабль опустится на мягкие волны Лазурного моря. Вода там такая чистая и теплая, что лескаты в трюмах перестают слушаться погонщиков и плещутся, как детеныши...

А может быть, корабль направится вдоль границ Халфата. И отряд безмолвных всадников на грифонах будет сопровождать его в отдалении, приглядывая, чтобы чужаки не пересекли запретную полосу над горным хребтом, чтобы их нечистая тень не пала на священную землю пророка Халфы...

Мальчик закусил губу.

Нет, это невыносимо! Ему уже девять лет, а он еще ни разу, ни единого разу не видел живого грифона!

А ведь есть еще суровая Виктия с ее бесстрашными воинами и обитающими в скалах чудовищами... гордый Альбин, откуда выходят самые сильные чародеи...

А между Виктией и Альбином, на Спорных Землях... вдруг хоть издали, хоть на горизонте увидит капитан Семибашенный замок... ах, какие восхитительно жуткие истории рассказывают о нем, как нужно, просто необходимо взглянуть на него самому!

А земли за морями – как про них-то не думать? Антарэиди – не единственный материк. О боги, как велик мир, как хочется, до сладкой боли в груди хочется увидеть просторы Славии, где по ковыльным степям бродят табуны коней! И огромные каменные храмы, возведенные на реке Гинди в честь ужасных зверобогов! И леса Таумеклана – леса, чьи ветви сплетаются так плотно, что не пропускают к корням солнечный свет... а по вершинам можно ходить, перешагивая с ветки на ветку, – но это опасно: из листвы может выскочить леопард. Или ильв с совиными глазами и втяжными, как у кошки, когтями...

Это просто издевательство: читать о чудесах мира в книгах – и знать, что вокруг тебя городишко Ульдамер. Сегодня, вчера, позавчера, от самого рождения – Ульдамер...

Ну, почему нельзя стать взрослым прямо сегодня? Почему нельзя прямо сейчас отправиться в полет на борту этакого красавца?

Нет! Не просто на борту – на капитанской галерее! И чтобы шпага на боку! И чтоб сапоги, высокие голенища которых пристегиваются к поясу! И чтоб шляпа с пером! А если ее унесет ветер, Дик рассмеется и скажет: «Добрая примета!..»

Мальчишка судорожно вздохнул... и вдруг разом забыл и о своих страданиях, и о чужих землях, и об уходящем вдаль корабле.

Потому что разума его мягко и легко коснулось чужое сознание.

Мальчик поспешно обернулся. Теперь перед его глазами были только волны, такие же плавные и ленивые, как прозвучавший из глубины призыв.

Там, под волнами, дикая тварь оповещала стаю: «Я сыт. Мне хорошо. Здесь безопасно».

Мальчишку охватил азарт рыболова, в руках которого удилице согнулось пополам от рывков. Но он заставил себя успокоиться: спугнуть же можно добычу! И мысленно позвал: «Плыви сюда!»

Тут же спохватился: лескат не понимает человеческого языка!

Вспомнил рассказы старых рыбаков, вспомнил свои прежние, неудачные попытки приманить лeskата. Старательно представил себе плоскую темную лепешку с лягушачьими лапками – и мысленно потянул ее к себе.

Чужое присутствие в голове стало отчетливее, сытое довольство сменилось недоумением и тревогой. Лескат не понимал, зачем ему надо куда-то плыть.

Но плыл, плыл!..

Выждав немного, мальчик всеми силами души потянул лeskата вверх, даже ладошками сделал плавное «взмывающее» движение. И радостно увидел бегущую со дна к поверхности цепочку пузырьков.

«Кислород сплевывает!»

Про кислород и водород мальчик, как и подобает будущему небоходу, знал всё. Эти замысловатые слова, выйдя из лабораторий алхимиков, были подхвачены хриплыми глотками леташей – и звучали для мальчугана манящим заклинанием.

И вот меж волн вырос темный пузырь... вот взмыла в воздух раздувшаяся живая лепешка с обвисшими лапками...

Счастливый мальчик подошел к неподвижно висящему над водой лeskату (здесь глубина была ему почти по плечи). Рассмотрел как следует – и темную выпуклую спинку, и

светлое брюшко, и два отверстия: одно для пищи, второе для воды, которую лескат превращает в водород и кислород.

Вдруг мальчишка вспомнил о главном. Кинулся к берегу, схватил с темного камня кораблик – деревянный, с плоским треугольным днищем, с короткими мачтами и тряпичными парусами. Вернулся к лескату. Животное парило над водой, лениво свесив лапки. Лескат может висеть в воздухе долго, ожидая, пока уплывет спугнувший его хищник.

Мальчик аккуратно поставил кораблик на мокрую спину леската – и залюбовался.

Конечно, все было неправильно. Лескаты должны быть в трюме, а не под днищем корабля. И не такие маленькие, а огромные, выведенные специально для полетов, с большой мозолью на спине, чтоб не больно было тереться о доски. И с магическим талисманом, жививленным в эту мозоль, чтоб увеличилась подъемная сила.

Ну и пусть! Главное – живой пузырь держит его кораблик на лету!..

– Эй, паренек! – послышалось с берега. – Как пройти в Ульдамер?

Мальчик обернулся – и замер.

На прибрежных камнях стоял мужчина в бархатном коричневом камзоле, расшитом золотом, и таких же щегольских штанах. В сапогах с огромными отворотами. В темной широкополой шляпе с золотой тесьмой вокруг тульи и с золотыми кисточками. И со шпагой на боку.

Но не за эту роскошь уцепился мальчишеский взгляд.

Талию незнакомца в три ряда обвивал толстый шнур, свитый из разноцветных прядей.

Небоход! Настоящий небоход! Или капитан, или помощник, если корабль большой!

Но потрясение не лишило парнишку дара речи.

– Вы, сударь, вдоль берега пройдите вон туда. За кустами тропинка, как раз и выведет к дороге, а там и до городских ворот недалеко.

– Понял, – кивнул незнакомец. Но с места не сдвинулся, глядя за плечо мальчика. – Твой фрегат? Ладно сделан.

Мальчишка заулыбался на похвалу.

– А леската веревочкой привяжи, – посоветовал мужчина. – Не то нырнет – и размокнет твой кораблик.

– Не нырнет, – гордо сообщил мальчик. – Я ему приказал зависнуть.

– Вот даже как? Тебе повезло, малыш. С таким даром ты, когда подрастешь, сможешь стать погонщиком лескатов. Это достойное и уважаемое ремесло.

Мальчишка насупился. То ли не понравилось слово «малыш», то ли насмешливый тон небохода оскорбил его мечту – но ответил парнишка недружелюбно и с вызовом:

– Я буду капитаном!

– Вот даже как! – развеселился небоход. – Могу ли я поинтересоваться: как зовут моего собеседника с таким завидным будущим?

Мальчик вконец обиделся: трудно ли понять, что над тобой смеются? Но ответил сдержанно, даже чуточку торжественно:

– Дик Бенц!

– Дик... Бенц... – повторил незнакомец пренебрежительно, словно перебросил с ладони на ладонь два грязных, потертых медяка. – Увы, многоуважаемый сударь мой Бенц, не бывать вам в капитанах!

– Это еще почему?

– В небоходные академии принимают только дворян. А я сомневаюсь, что к имени Дик Бенц прилагается графский титул.

Мальчишка хотел ответить, но замер с открытым ртом. Это был удар! Дик сразу поверил в страшную правду сказанного.

А незнакомец продолжал, уже открыто издеваясь:

– Увы, не мной придумано, что всяким Бенцам не место на капитанском мостике. Ну, еще в «мокром трюме» кое-как... Лескаты пока не научились спрашивать у погонщиков и пастухов дворянские грамоты.

Чем вызывал у мужчины такое раздражение этот тощий, смуглый, похожий на галчонка Дик Бенц? Наверное, нахальством. Глядит на дворянина-небохода без почтения и без зависти. Вот перевел глазища на кораблик. На небо. Снова на кораблик.

А когда вновь посмотрел мужчине в лицо – не по-детски твердый взгляд сиял торжеством. Что-то измыслил, паршивец!

– Все равно буду капитаном, – сказал Дик Бенц гордо и убежденно. – А ты, пугало в бархате, еще придешь наниматься ко мне в команду!

– Я ж тебе уши надеру, поганец! – выдохнул небоход, растерявшись от такого обращения к своей персоне.

– И я тебя не возьму, – закончил тощий нахал свою мысль.

От этих дерзких, но, в общем-то, не самых оскорбительных на свете слов раздражение мужчины превратилось не в злобу даже, не в гнев, а во что-то более жуткое.

Словно незримая, беззвучная молния пронзила воздух меж собеседниками – и разом изменила одного из них.

Только что стоял на берегу широколицый молодой здоровяк с короткой темной бородкой и крючковатым носом, поддразнивая встреченного мальчугана. И вдруг вместо скупающего дворянина на камнях возник двуногий хищник. Убийца.

Мало кто из знакомых небохода знал о его безумии. Но сейчас, из-за пустяка, оно вырвалось наружу и взяло верх над душой.

Лицо то ли постарело, то ли вообще утратило возраст, стало похожим на маску. Глаза сверкнули багровым, как у зверя в полумраке. Губы чуть дрогнули: то, что мужчина собирался сделать, всегда доставляло ему удовольствие.

Пустынный берег. Уединенное место. Мальчишки не скоро хватятся – и никогда его не найдут...

Незнакомец – уже дважды незнакомец – нагнулся и поднял увесистый камень. В этом движении не было угрозы. Так садовник берется за лопату или кузнец – за молот.

Дик Бенц увидел перемену в мужчине и понял, что она сулит. Но не дрогнул, не заметался. Только ухмылка исчезла с загорелой физиономии. Дик стоял неподвижно, как мишень. Глядел не в лицо небоходу, обернувшемуся чудовищем, а на камень в его руке.

И лишь в миг, когда камень оторвался от ладони врага, Дик резко дернулся в сторону – и исчез под водой.

Камень пролетел там, где только что была голова мальчика, и бестолково плюхнулся в воду. Мужчина в холодной ярости подхватил другой камень, прицельно зашарил взглядом по волнам: где?!

А проворный паренек проплыл под водой до одной из скал, торчащих неподалеку над поверхностью. Как ящерка, взобрался на скользкий от водорослей гранитный бок скалы – и под его защитой победно заорал:

– Мазила косорукий! Медуза драная! Хоть леташ, а все равно дурак!

Небоход подбросил на ладони бесполезный камень. В глазах его стыла тоска хищника, упустившего дичь.

И ведь упустил! Даже если, строя из себя шута, поплыть к скале – не поймаетшь верткого малька в этом крошечном скале и утесов, что торчат из-под воды. Здешние мальчишки наверняка облазили скалы и знают тут каждую трещинку и каждую пещерку, надводную и подводную...

Мужчина любил убивать. И сейчас, вдали от посторонних глаз, он мог получить свою потеху. Надо было всего-то пообещать беспородному щенку монетку за то, чтоб проводил до городских ворот. А когда звереныш полез бы на берег – свернуть ему шею.

Вместо этого он выставил себя болваном...

Мужчина представил, как под пальцами хрустнули детские шейные позвонки, охнул от досады и приказал себе успокоиться. Что упущено, то упущено. Второй попытки не будет. Безумие, ворча, как потревоженный зверь, уползло в темные тайники души.

А вот злость, обычная злость отпустила не сразу. Оглядевшись, небоход заметил на камнях холщовую рубаху, штаны и пару башмаков. Он замотал камень в одежду мальчишки, зашвырнул подальше в воду и крикнул:

– Без штанов домой пойдешь, дрянь! Чтоб не грубил старшим!

Двумя пинками отправил в воду башмаки и зашагал к кустам, за которыми скрывалась тропинка.

Выходка с тряпками сейчас казалась ему самому мелкой, недостойной, а главное – не давшей удовольствия. Но куда сильнее он ругал себя не за нее, а за то, что не сдержался – обернулся. Так обидно было увидеть дикарский танец, темпераментный и весьма оскорбительный, который торжествующе выплясывал на скале голый мальчишка.

Небоход вслух проклял дела, которые привели его (хорошо, что на очень короткое время) в этот жалкий городишко Ульдамер...

Когда темная шляпа перестала мелькать за высокими кустами, Дик Бенц спрыгнул со скалы и с ловкостью лягушонка доплыл до берега. Снял кораблик со спины покорно парящего в воздухе леската, отпустил животное – это получилось с первого раза. С удовольствием проследил, как на темной спине приоткрылся клапан, выпуская водород, и как лескат, ставший вялым и дряблым, плюхнулся на воду и заработал лапками, уходя на глубину.

Только потом мальчик вытащил на берег свою утопленную одежду. (Он приметил, куда забросил ее этот сумасшедший, а малость понырять разве трудно?) Разложил рубаху и штаны на камнях сушиться, поставил рядом башмаки. Попрыгал на одной ножке, вытряхивая воду из уха, и разлегся на солнышке: замерз, кожа стала «гусиной».

По краешку сознания скользнула мысль: а чокнутый небоход мог и впрямь убить его... Но мысль исчезла, не успев напугать мальчугана. За девять лет жизни Дик Бенц не слышал от взрослых ничего страшнее обещания задать крепкую трепку. А в свою смерть мальчик и вовсе не верил.

Взрослый дурак швырнул в него камнем? Подумаешь!.. Да в Дика уже года два никто не может попасть ни камнем, ни снежком, ни палкой. Он верткий!..

Глядя в небо, на облачных грифонов и драконов, Дик Бенц с легким презрением вспоминал слова незнакомца: мол, в небоходные академии принимают только дворян...

Как можно считать препятствием такую ерунду, когда над тобой небо, а вокруг тебя чужие страны, моря, горы и острова, и все это так удивительно и прекрасно!

Дик Бенц твердо, словно давая себе клятву, произнес:

– Я все равно стану капитаном!

I. Обретение команды

1

*Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки...*

А. Блок

«Облачный конь» сгорел ночью на рейде Порт-о-Ранго.

На пристань сбежалась толпа – в основном экипажи стоящих в гавани кораблей, летучих и морских. Галдя и потрясая кулаками, глядели они на огненные столбы, в которые превратились все три мачты «Облачного коня».

Летучий корабль погибал в одиночестве: гребные буксиры уже растащили прочь легкие плоскодонные корабли. И это спасло их от страшнейшей из бед, когда прогремел взрыв и над палубой «Облачного коня» фонтаном взлетели горящие обломки досок.

Никто не пытался тушить огонь. Бесполезно. Надводные части летучих судов делались из славийской ели и таумекланской бальзы. Легкие-то они легкие, но как горят! А бальзу еще и натирают франусийской мастикой, чтоб не впитывала влагу... да уж, полыхнет – не погасишь!

Черно-красные столбы над обреченным судном казались демонами. Злобными демонами, дожирающими корабль. Демоны сжимали в объятиях мачты, давились скатками парусов и плевались снопами искр. Человечины демонам не досталось. По толпе ходил говорок: на корабле было всего двое леташей, оба прыгнули за борт и спаслись. Дело понятное: на летучих кораблях команды маленькие, не то что на морских. Капитан Джанстен оставил пару вахтенных, остальные на берегу ночевали перед завтрашним взлетом.

А вот лескаты, лескаты... горе-то какое, все четыре тварюшки в трюме погибают! На рейде не положено лескатов в трюмах держать, но на рассвете «Облачный конь» должен был встать под погрузку, а потом – сразу в небо. Вот капитан Джанстен и велел с вечера забрать животинку из общего загона...

Отчего беда-то стряслась? Ведь леташи больше погибли своих душ боятся огня на борту. На летучих судах нет даже камбуза. Небоходы знают, что может натворить искра, угодившая в смесь водорода и кислорода. Вон как рванул гремучий газ, скопившийся меж палуб «Облачного коня»!

Неужели вахтенные посмели раскурить на борту трубки?

В это не верил никто из тех, кто столпился в порту. Из уст в уста (шепотом, только шепотом, ни разу вслух!) летело: «Эдон Манвел!.. Больше некому... Капитан Джанстен не захотел, чтобы «Облачный конь» вошел в эскадрилью эдона Манвела – и теперь «Облачный конь» горит...»

Но эти перешептывания были невесомы, как пена на гребнях волн, потому что эдон Манвел ду Венчуэрра был не из тех людей, о ком безопасно болтать...

Там, где пристань дразнит море языком волнолома, молодая черноволосая женщина отчаянно рыдала на груди высокого рябого леташа. Она голосила что-то неразборчиво, выла, била мужчину кулаками по широкой груди. А он придерживал ее за плечи и бормотал непослушными губами:

– Погоди, Мара... Успокойся, Мара...

Но глядел мимо женщины – туда, на пляски огненных демонов над кораблем.

Мужчина в черно-синей рубашке моряка обернулся к знакомому леташу:

– По кому баба убивается? Разве на борту люди были?

– Она – пастушка, – мрачно ответил леташ.

– А-а, – понимающе кивнул моряк и, сняв с пояса флягу, протянул женщине. – Глотни, авось полегчает!

Хотя он был моряком и доверялся только волнам и ветру, но все же знал: пастушка сейчас чувствовала боль и отчаяние четырех погибающих тварей. Вместе с ними заживо горела.

Женщина взяла флягу, глянула на нее непонимающе. Затем взгляд пастушки прояснился, она жадно припала к горлышку, сделала несколько больших глотков и, оглушенная крепчайшим «зубодером», вновь припала к плечу своего рябого спутника – уже молча...

А на волноломе сидел невысокий, щуплый старик. Обхватив руками седую голову, до крови закусив губу, он мучительно, безнадежно раскачивался из стороны в сторону, словно заклиная боль. Он был погонщиком обреченных лескатов – и страдал так же, как и пастушка...

Гибель судна завершилась на рассвете. «Облачный конь» повалился на левый борт и осел, как сугроб весной. До пристани донеслось шипение: вода заливала огонь. И клубы пара закрыли от людских глаз агонию уходящего на дно корабля.

2

*Там, хватив в таверне сидру,
Речь ведет болтливый дед,
Что сразить морскую гидру
Может черный арбалет.*

Н. Гумилев

– После треволнений прошедшего дня капитан Гайдж опустил «Портовую девчонку» на воду юго-западнее небольшого, покрытого лесом острова, почему-то не значащегося в лоции. Капитан Гайдж решил, что это одна из ошибок картографов. Все мы, небоходы, знаем, как подло могут подвести карты.

Посетители таверны «Попутный ветер» (судя по сине-белым рубашам, сплошь леташа) согласным ворчанием ответили рассказчику: мол, верно, картографы – дармоеды косорукие, всех бы их покрошить на корм для лескатов...

Невысокий щуплый старик обвел таверну спокойным, пронизательным взором темных глаз и продолжил:

– Альбинец Гайдж был толковым капитаном, стоянку выбрал засветло. Хорошая нашлась стоянка: бухточка, закрытая от ветров. Капитан собирался послать четверых леташей осмотреть остров. Если там все мирно, он собирался разбить на берегу лагерь и побаловать команду горячей едой с костров...

Слушатели заулыбались. В полете они ели всухомятку – и ценили такие простые радости жизни, как миска горячей похлебки во время береговой стоянки.

– А только рано альбинец строил планы, – вздохнул рассказчик. – Не успел он шлюпку на воду спустить, как «Портовую девчонку» сотряс страшный удар. И тут же пастух закричал из «мокрого трюма», что днище пропорото наискось чем-то острым, вода прибывает, тяжело ранен один из лескатов...

– А сколько всего лескатов было у капитана Гайджа? – с джермийским выговором спросил краснолицый леташ.

Слушатели на него заворчали. Но рассказчик не рассердился.

– Пять, – пояснил он. – Четыре по бортам, один кормовой... Капитан Гайдж погнал леташей в трюм, пластырь заводить на пробоину. А сам вместе с погонщиками потянул лескатов вверх. Что за опасность ни подстерегала внизу – уходить надо было в небо.

Слушатели закивали.

Старик мягко пошел от стола к столу. Он дружелюбно глядел в глаза подвыпившим леташам, и каждому посетителю казалось, что этот седой человек рассказывает свою историю только для него.

– Поднялись быстро, но невысоко. Лескаты беду почуяли, вверх рванули, как их дикие предки делали. Но зависли почти над водой. В воздушный поток не попали – паруса, стало быть, без работы. А лескаты слышат боль раненого собрата, слышат страх пастуха. Уперлись – ни вверх, ни вниз. Тут капитан Гайдж посмотрел за борт – и ахнул...

Рассказчик замолчал, оглядел столы. Его поняли совершенно правильно: тут же старику были протянуты четыре кружки с пивом. Сказитель взял одну, неспешно промочил горло и повел речь дальше:

– Ходит кругами по бухточке гигантская рыбина. Вроде как рыба-меч, но не меньше шхуны будет. А меч – как бушприт, да зазубренный, да страшный... Ходит по поверхности, от злости подпрыгивает, в воздух взвивается.

– Ишь ты! – не удержался курносый рыжий парнишка – то ли юнга, то ли молоденький леташ. И тут же схлопотал от соседа подзатыльник... нет, точно, юнга!

– Но и та беда была бы – полбеда, – сурово заверил слушателей старик. – С небес донесся грозный клекот. Закинул капитан голову – и видит: парит над ним птица. Да такая здоровенная – ну, с двух грифонов будет, не меньше!

– Ну, уж и двух! – не удержался, влез в разговор трактирщик, протиравший за стойкой оловянные кубки. – Я видел грифона в Берхагене, когда была коронация. Наследный принц на грифоне ехать изволил...

Старик замолчал. Обернулся к трактирщику. С удивлением и недовольством воззрится на земного торговца, который вмешался в беседу небоходов.

Трактирщик почуял общее раздражение и набросился с тряпкой на подвернувшийся под руку кубок.

Старик выдержал укоризненную паузу и вернулся к своей истории:

– С двух грифонов, не меньше. Такая в каждую лапу схватит по человеку и унесет. А на клюв глянешь – и сразу поймешь, что она этим клювом не орехи щелкает. Сразу не напала: присматривается к добыче. Южнее Кораллового Пояса не каждый день летучие корабли встречаются. Но за этой милой птичкой атака явно не пропадет... Едва капитан об этом подумал, как пташка поднялась повыше – да и ринулась сверху вниз на «Портовую девчонку». А только капитан успел уже крикнуть боцману, чтоб взвел копьemet. Сразу крикнул, как только птицу увидал.

– На купеческом судне – копьemet? – усомнился кто-то.

На придиру цыкнули. А богато одетый толстяк с капитанским шнуром вокруг объемистой талии сказал задумчиво:

– В какое время мы живем... Я тоже себе на палубу копьemet поставлю. «Поморники» так обнаглели, что хоть боевого мага в рейс нанимай... А вы рассказывайте, сударь, рассказывайте. История презанятная.

Старик учтиво поклонился.

– Боцман не подвел, выстрелил метко, под крыло угодил. Птица даже закувыркалась. Другой бы твари конец пришел, а эта вновь поймала крыльями поток и пошла вверх. Снова для нападения изготавливается. Прямо не птица, а Свен Двужильный, до того упрямая!

Слушатели посмеялись. Здесь, в уютной таверне, можно было и про знаменитого «поморника» пошутить. То ли дело в небесах, когда только того и жди, что вынырнет из облаков «Красный коготь» с четырьмя копьemetами по каждому борту...

– А только и капитан Гайдж был не дурак. Птица еще в воздухе кувыркалась, когда альбинец хлопнул себя по лбу, побежал с капитанской галереи на палубу и кинулся в свою каюту...

– Придумал что-то? – снова не удержался лопухий юнга.

– Ну да, – охотно согласился старик, – вот этак себя ладонью по лбу шлепнул...

Он изобразил жест человека, припомнившего что-то важное, – и вдруг воскликнул:

– Ах, дурень я старый! Главное-то забыл!

Он сдернул с головы мягкую черную шляпу и протянул перед собой:

– Люди добрые, коли нравится вам рассказ, оцените его кто во что может!

И пошел со шляпой вдоль столов.

Слушатели заулыбались маленькой хитрости рассказчика, оборвавшего историю на интересном месте. В шляпу дождем посыпалась медь.

Наконец старик, держа наполнившуюся шляпу в левой руке, правую приподнял, призывая всех к молчанию.

– Капитан вынес из своей каюты кожаный мешок с таумекланским перцем. Но почему Гайдж хранил мешок не в грузовом трюме, а в своей каюте – про то меня не спрашивайте, сам удивляюсь!

Леташи расхохотались. Толстяк капитан весело всплеснул руками.

Даже тот из небоходов, кто никогда не загружал трюм контрабандой, время от времени припрятывал что-нибудь мелкое, но ценное, чтобы продать без пошлины. А мешок таумекланского перца – мелких семян дерева тхиллок, из которых изготавливали острую приправу, – мог дать неплохой заработок тому, кто провезет его мимо таможни.

– Капитан схватил лопату, которой юнга разбрасывал песок по палубе, и зачерпнул, не жалея, дорогие семена. Птица уже была рядом: хищный клюв крючком, глаза навывкате... Гайдж швырнул ей в голову лопату семян – и хищница вновь закувыркалась в воздухе, почти ослепшая, с ошпаренным горлом. На этот раз она расправила крылья лишь над самой водой. И тут из бездны вынырнула и яростно взвилась в воздух гигантская рыба-меч. Обезумевшая птица впилась в нее когтями – и началась битва! Рыбина, извиваясь, тянула птицу в глубину, а та била крыльями по воздуху и по воде, пытаясь поднять свою неслыханную добычу...

Леташи загомонили, обсуждая схватку рыбы и птицы.

– Так кто же победил? – спросил наконец толстый капитан.

– Гайдж не дождался конца схватки, – с достоинством ответил старик. – Ему было не до редкого зрелища – беспокоила судьба «Портовой девчонки». Команда кое-как завела пластырь, но ясно было, что волны разлижут пробоину и ворвутся в трюм. И срочно требовалось помочь раненому лескату. К тому же в этих водах, как уже увидел капитан, водились грозные хищники. Поэтому он решил совершить сухую посадку. Хотя ему, как и всякому небоходу, претила мысль о приземлении на сушу, другого выхода он не видел. На берегу проще починить днище, от гигантских птиц можно замаскировать корабль ветвями деревьев. И Гайдж принялся отдавать приказы, не подозревая, какую недобрую тайну хранит под пологом леса остров, которому он так опрометчиво доверился...

Рассказчик обвел взглядом внимательные лица посетителей трактира – и неожиданно заявил:

– Но об этом, люди добрые, я расскажу вам в другой раз. А не доведется мне, так другой сказитель поведает.

Таверна возропала. Но старик, не обращая внимания на протесты, направился в дальний угол, где за длинным столом угрюмо сидели шестеро.

Старик опустился рядом с ними на скамью.

– Вот, деточки, за пиво и закуски мы, считай, уже расплатились.

3

*Господи Боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?..*

А. Блок

Трактирщик проводил старика до самого стола довольным взглядом. Хорошо, что у бывшей команды «Облачного коня» есть чем расплатиться. Крепко зависли, бедолаги, в полное безветрие угодили. Мало им было того, что сгорел корабль, так еще и капитан Джанстен удрал с корабельной кубышкой, не заплатив своим людям за последний рейс. Говорят, одного из погонщиков с собой в бега уговорил, а второго, старого, бросил с остальной командой здесь, в Порт-о-Ранго.

Да, покрутятся невезучие леташи, подыскивая хоть какую-нибудь работенку! Прежним экипажем им, понятное дело, уже не летать, но и порознь поди куда-нибудь приткнись!

Протерев последний кубок, трактирщик бросил его в корзину с чистой посудой и через зал скользнул приметливым, оценивающим взглядом по летахам, потерявшим небо.

«Облачный конь» не раз опускался на воды здешней гавани. Но его команда чаще ходила не в «Попутный ветер», а в «Подкованную ворону». Поэтому трактирщик Вайс не всех и по имени-то знал. Но то, что довелось прослышать о летахах, Вайс помнил. Было у трактирщика увлечение – больше узнавать о посетителях, причем узнанное надолго запомнилось. Весьма, кстати, полезное увлечение: ни один пройдоха не мог похвастать, что сумел, не расплатившись за съеденное и выпитое, удрать из «Попутного ветра». А дебоширы и буяны, едва перешагнув порог, достаивались пристального внимания вышибалы, которому хозяин успевал указать взглядом на подозрительных гостей.

Сейчас Вайс скучал за стойкой – и от безделья принялся гадать: что представляют собой эти семеро за дальним столом и есть ли у них надежда сыскать хоть какую-то работу?

Старик наверняка застрянет сказителем в каком-нибудь заведении. (Надо будет прикормить его в «Попутном ветре» – ловко дед машет языком.) Конечно, он и есть тот погонщик, которого Джанстен, убегая, бросил в Порт-о-Ранго. Ну, и кто возьмет в команду старика? Только к нему лескаты привыкнут, как дед или помрет, или по дряхлости осядет на земле. А летучим тварям придется к другому погонщику мыслями притираться!

А вон тот здоровяк – ну, разбойничья морда! Выговор у него джермийский, – кому и знать, как не Вайсу: сам урожденный джермиец. Этого верзилу кто-то из команды назвал боцманом. Ну, это его в последний раз так величают. Может, и найдет себе капитана, но наверняка будет не боцманом. Простым летахом. На мачты лазать да грузы в трюм укладывать. А то на складе грузчиком приткнется. А вернее всего – в шайку угодит.

Рядышком две девицы сидят... эх, хороша та, черноволосая, в мужской одежде! Вайс знал, что зовут ее Марой. Зять Вайса, кобель несытый, полгода назад звал ее в «Попутный ветер» подавальщицей, сулил много чего поверх заработка – и схлопотал блямбу под глаз. Хорошую такую блямбу, словно мужская рука на его роже отметилась! А Мара еще и шум подняла: мол, честную пастушку лескатов на какие мерзости подбивают!.. Услыхала эти крики Эльса, дочка Вайса, – еще и от себя муженьку добавила.

Пастушка. И красавица. Ну, такая работу найдет – да только будет ли работа ей в радость? Уж как на «Облачном коне» капитан Джанстен договаривался с красоткой, того Вайс не знает. А вот захочет ли новый хозяин, чтоб Мара эта самая только за лескатами ухаживала?..

А девица рядом с нею – ну, заморыш, мышонок! На такую ни один мужик дважды не взглянет! Что она делала на борту «Облачного коня»? Непонятно... Но вряд ли теперь сумеет куда-нибудь удачно приткнуться.

И юнга тоже... Вайс бы его к себе и полы мыть не взял. Придурок белобрысый. С первого раза не понимает, что ему говорят. Дергается от каждого резкого движения. То-то его Олухом прозвали... пропадет мальчишка, как есть пропадет, да такого и не жалко.

Еще один член команды, в длинном балахоне с капюшоном, лежал лицом на сложенных руках и походил на тюк тряпья. Не понять, мужчина это или женщина. То ли напился, то ли до смерти устал, то ли не хочет глядеть на все вокруг...

Трактирщик перевел взгляд на последнего из печальной компании – круглолицего, дочерна смуглого халфатийца – и принялся гадать, что заставило того покинуть родину. Соплеменники этого парня водили по всем странам караваны с товарами, но халфатиец на борту летучего судна – дело воистину неслыханное...

Тут цепочку рассуждений Вайса прервала его супруга: подошла пожаловаться на соседа-винооторговца, который заявил, что впредь за иллийское вино будет брать дороже на два делера за бочку.

– Он что, рехнулся? – охнул трактирщик, разом выбросив из головы праздные размышления о чужих горестях.

Кивнул вышибале – дескать, зал оставляю на тебя. Указал на стойку подавальщице: обслужи, если что. И поспешил вместе с женой во внутренний дворик, чтобы без посторонних ушей потолковать с ожидающим там винооторговцем и узнать, с какого-растаккого дурного сна ему стукнула в голову мысль грабить своих соседей и добрых друзей.

А потому, когда все началось, трактирщик отсутствовал и ничего вразумительного рассказать о происшедшем, увы, не мог.

Когда он уходил, все было чинно и мирно. Леташи отмечали удачный рейс, толстяк-капитан за отдельным столиком вдумчиво обгладывал свиное ребрышко, а за столом в углу экипаж «Облачного коня» молча пил пиво и обдумывал свою скверно сложившуюся судьбу.

Экипаж не хотел расставаться. Экипаж еще ощущал себя единым целым, а не семеркой неудачников. И когда подошла подавальщица и выгребла за пиво и жареную хамсу большую часть содержимого шляпы, ни у кого не возникло даже мысли о том, что все ели и пили на стариковы деньги. Команда гуляла – команда расплатилась. Сегодня за твой счет, завтра за мой – свои люди, сочтемся. Как всегда...

Не хотелось думать, что никакого общего «завтра» у них уже не будет. Семь дорог расходились в разные стороны.

– Мальчишку жалко, Отец, – шепнула Мара старику.

Погонщик, прозванный в экипаже Отцом, покосился на белобрысого нахохлившегося подростка, похожего на больного воробья.

Да, Олуха было жаль. Жаль, словно родного внука. Ведь это он сам полгода назад подобрал голодного до прозрачной голубизны мальчишку, который притащился в «Подкованную ворону» на запах съестного. Из таверны, понятно, бродяжку вышибли, а он, старый дурак, пожалел паренька. Растрогался, услышав родной альбинский выговор.

Капитан Джанстен тогда его и слушать не захотел. Мол, «Облачный конь» – не дом призрения при храме. Мол, гони, Отец, этого мелкого доходягу в шею.

Спасибо Лите – заступилась, добрая душа. Да так решительно заговорила! Мол, если мальчик уйдет, уйду и я... Понятно, Джанстен заткнулся. Литу потерять – себе дороже. Он, мерзавец, когда удирал с корабельными деньгами, звал Литу с собой, да она не пошла.

А мальчишка сначала и впрямь был лишним грузом. Понятно, что команда нарекла его Олухом. Окликнешь, – шарахается так, словно затрещину получил. Начнет дело делать – все из рук валится.

Юнг не балуют ни на морских, ни на летучих кораблях. Колотушками учат. Но что делать с парнишкой, которому дашь всего-навсего легкую оплеуху – а он падает на палубу, поджимает колени к животу, закрывает голову руками и так лежит?

Ясно, что забит парнишка до невероятия. Беглый, тут и сомневаться нечего. Причем хозяин его – сволочь. А почему сюда добрался – тоже понятно: из вольного города выдачи нет.

Пришлось Отцу потолковать с боцманом Хаансом, чтоб рук не распускал. Тот поворчал, но все понял. Он хороший парень, боцман-то. К тому же знает, что это такое – когда тебя бьют, а ты ответить не можешь. Он этого на каторге нажрался досыта.

А когда Олух понял, что обижать его здесь не будут... на глазах ожил паренек! Да, у него не сразу все получалось, но как же он старался! Не ходил – бегал! Чтоб в трюме спрятаться и дрыхнуть – такого за ним не водилось. Сделает, что поручено, и назад спешит, у боцмана перед глазами крутится – мол, что еще прикажут?

И высоты не боится. Хороший леташ со временем получился бы из парня. А теперь он опять на городских задворках. И опять один. Кто из команды сумеет позаботиться о мальчишке? Самому бы прокрутиться!..

Старик угрюмо кивнул и ответил Маре:

– Всех нас жалко, дочка. Всех нас пожар обжег. Правильно говорил древний философ Гуиндред, прозванный Сварливым Отшельником: «Всякая сука-беда щенится пометом из полудюжины бед!»

Мара улыбнулась почти прежней улыбкой: ей нравилась манера Отца уснащать речь словами древних мудрецов. Поговаривали (хотя, может, и ввали), что старик не всегда был погонщиком и что неспроста он такой грамотей...

– Складно ты байку плел, – сказала она. – Даже музыка заслушалась, замолчала.

Старик посмотрел вверх, на галерейку второго яруса, куда вела лестница с резными перилами. В конце галерейки, рядом с последней из дверей комнат, которые хозяин сдавал гостям, приткнулись трое музыкантов: лютнист, флейтист и старуха с бубном. Пока гости не требовали плясок, старуха дремала, а лютнист и флейтист по очереди играли что-то негромкое. Но сейчас они действительно заслушались...

Поймав взгляд гостя, флейтист поднял флейту к губам и завел грустную, протяжную мелодию, сразу напомнившую погонщику о бедственном положении экипажа.

«Как жить? Где жить? На что жить?..»

Старик обернулся к илву, лежавшему лицом на сложенных руках:

– А ты, Филин, не искал работу в городе? Конечно, люди вашего брата не любят, но ты же лучший плотник отсюда до самой Виктии!

Темная фигура не пошевелилась, но ответ прозвучал. Голос был тонок, как у ребенка:

– Мне нельзя оставаться на одном месте. За мной всегда следует смерть.

Из-под щеки лежащего вынырнула рука. Крепкие, сильные пальцы ударили по столу. Вылетевшие из подушечек когти процарапали столешницу. Отведя душу, илв снова убрал руку под голову.

Это движение заняло лишь несколько мгновений, но вышибала углядел неладное и враз очутился возле углового стола:

– Эй, приятель, здесь обслуживают только людей. Ступай в «Развеселую пляску» или в «Охалку дров». Там не брезгают наливать кому попало.

Илв не ответил, даже головы не поднял. Зато остальные шестеро вскочили на ноги дружно и разом.

– Ну, ты, хрен собачий, – негромко, но очень веско начал побагровевший боцман, – чего к нашему леташу вяжешься? Ковыляй отсюда, не мешай небоходам гулять.

Вышибала не то чтобы струсил (и не таких верзил приходилось утихомиривать) – просто не хотелось ему, чтобы в отсутствие хозяина всколыхнулась серьезная драка. А что серьезная – тут сомнений не было. Даже белобрысый юнга, совсем не геройского вида паренек, стиснул кулаки.

– Да я чего?.. – сбавил вышибала тон. – Я говорю, что дружку вашему будет вольготнее в «Развеселой пляске» или в «Охапке дров».

– А вот мы здесь устроим такую развеселую пляску... – посулила черноволосая красotka.

– ...что от твоего кабака останется охапка дров, – закончил ее мысль старик.

А тощая, мелкая, похожая на мышь девчонка покачала в руке тяжелую глиняную кружку. Прикидывала, как ее швырнуть пометче!

Вышибала отступил с ворчанием: мол, хозяин сейчас вернется, как скажет, так и будет...

Команда, отбившая атаку, вновь уселась за стол. Маленькая победа не подняла настроения бывшему экипажу «Облачного коня». Наоборот, острее заставила почувствовать неотвратимое расставание.

– Райсул, – обратился боцман Хаанс к смуглому круглолицему леташу, – за Просоленной улицей, где постоянный двор, я видел караван. Ваш, халфатийский. Сходил бы туда – может, работа тебе сыщется. Толмачом... или этих... верблюдов стеречь.

– Можно сходить, – согласился Райсул. – Но это на время. – Черные глаза халфатийца гордо сверкнули. – Хочу летать!

Ответом ему был дружный вздох. Летать хотели все.

Предаваясь унынию, команда не обратила внимания на то, как отворилась дверь.

Новый посетитель, вставший на пороге, был молод – не старше двадцати – и одет настолько нарядно, что два шулера за столом у окна переглянулись и уставились на вошедшего. Они оценили и черный с серебром костюм, и черную широкополую шляпу, украшенную серебряной пряжкой и орлиным пером, и шпагу на кожаной перевязи. Разумеется, не упустили они из виду и самое главное – витой многоцветный шнур на талии незнакомца.

А тот оглядел зал. Заулыбался, увидев то, что искал. И пошел меж столами – художавый, долговязый, какой-то легкий, походкой напоминающий канатоходца или акробата. Светлые глаза глядели так весело и лукаво, что замотанная, хмурая подавальщица, встретившись с ним взглядом, расцвела, как роза, и почувствовала себя юной девчонкой.

Юноша-небоход был явно доволен жизнью и не намеревался этого скрывать. И потому, когда он приблизился к угловому столу, его встретили семь пар недружелюбных глаз (даже илв поднял голову и уставился на пришельца совиным желтым взором).

– Вы, что ли, команда «Облачного коня»? – поинтересовался незванный гость высоким, почти мальчишеским голосом.

– Ну, – мрачно отозвался за всех боцман Хаанс.

Остальные в упор разглядывали юного небохода. Все в нем раздражало потерпевшую бедствие команду: и щегольской наряд, и звонкий голос, а главное – чудесное настроение, которое так и светилось в каждом слове, взгляде, жесте...

Дерзкий птенец почувствовал холодный прием, но это его не обескуражило. Похоже, обладателя этих светло-серых глаз вообще трудно было смутить, а его задорный острый нос, делавший своего хозяина похожим на птицу, создан был не для того, чтобы получать щелчки.

Юнец-небоход бесцеремонно сдвинул в сторону кружки с недопитым пивом и тарелки с хамсой, оперся на край стола и сверху вниз глянул на недовольную команду.

– Поздравляю, погорельцы, вам повезло! Теперь я ваш капитан!

4

*Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.*

В. Шекспир

У потрясенного юнги отвисла челюсть, он распахнутыми глазами уставился на блистательного незнакомца, так непринужденно объявившего себя их капитаном.

Прочие члены экипажа, в отличие от Олуха, изумления своего не показали. Помрачнели, подобрались, с подозрением глянули на щеголя: кто, мол, таков? Мошенник или просто дурень со своими дурацкими шуточками?

Но промолчали: предоставили говорить старику-погонщику.

А тот, глядя снизу вверх в молодое загорелое лицо, учтиво спросил:

– Вы, ваша милость, каким кораблем командовать изволите? И почему остались без команды? И в какой небоходной академии обучались?

Первые два вопроса юнец проигнорировал, а вместо ответа на третий извлек из бархатного мешочка на поясе свиток пергамента. К свитку на тонком золотом шнурке была подвешена солиднейшего вида сургучная печать с гербом Илли.

Юнец протянул свиток погонщику. Тот вытер руки о рубаху, бережно взял пергамент, развернул его, пробежал глазами – и с куда большим уважением взглянул на молодого небохода.

– Читай же! – не выдержала Мара.

И Отец известил команду, что Донатус деу Вильмготериан, барон, подданный французской короны, достойно прошел полный трехлетний курс обучения в Королевской небоходной академии Илли. Десять почтенных ученых мужей, преподаватели академии, своими подписями свидетельствуют, что Донатус деу Вильмготериан может нести службу на летучем корабле, как частном, так и входящем в небоходный флот любой страны, в чине вплоть до капитанского. Все десять подписей в наличии. И одиннадцатая, его величества короля Ансельмо, тоже в дипломе имеется.

Диплом внушал доверие. Леташа переглянулись. Мара спросила почтительно:

– Так вам, господин барон, нужна команда?

Юноша взял из рук погонщика свой диплом, аккуратно уложил его в бархатный мешочек у пояса. Затем обернулся к Маре и ответил легкомысленно до простодушия:

– Вообще-то я не барон. Меня зовут Дик Бенц. Но я же не виноват, что в небоходные академии принимают только дворян! Вот и пришлось для них измыслить...

Такого удара команда не перенесла. Все разинули рты не хуже юнги Олуха. Ни у кого не нашлось что сказать этому... этому Дик Бенцу, который продолжал взирать на них приветливо и благодушно.

Только халфатиец Райсул, не доверяя своему знанию чужого языка, переспросил:

– Измыслить? Что измыслить?

– А дворянские грамоты! – с готовностью пояснил Дик Бенц. – Я их сам нарисовал, такие красивые получились! У меня это здорово выходит – изображать разные почерки.

Мара произвольно двинула локтем, оловянная кружка грохнулась на пол. Все дернулись от этого звука.

Боцман Хаанс спросил недоуменно:

– Так ты, стало быть, не барон? Только называли так?

Дик Бенц, снова опершись о столешницу, нагнулся к леташу и ответил:

– А тебе кто нужен, барон или капитан?

Хаанс растерялся. А Бенц продолжал таким тоном, словно растолковывал малышу, как надо ложку в ручонке держать:

– Вот наших зверушек называют лескатами. То есть летучими скатами. Хотя они вовсе не скаты. И даже не рыбы. У них и лапки есть.

– Ну и что? – буркнул Хаанс. Он не мог понять, каким галсом пошел разговор.

– Ну и всё, – разъяснил Дик Бенц. – Как их ни называй, главное – летают!

Тут вмешался халфатиец:

– Подожди, господин Как-бы-там-тебя-ни-звали... Ты сам нарисовал грамоты, говорящие о знатности твоего рода? Так, может, ты и этот пергамент сам нарисовал? И поддельную печать прицепил?

Мара хлопнула в ладоши:

– Bravo, Райсул! А может, он спер диплом у настоящего барона?

– А как же я тогда собираюсь летать? – удивился Бенц. – Знания не украдешь.

– Вот знаний твоих мы еще не видели, – негромко сказал Отец.

Неожиданно в разговор вступила Лита:

– Насчет обучения – это легко проверить... Ты кончил академию этой весной?

– Да, сударыня, – учтиво ответил Дик.

– Значит, твое обучение началось три года назад? Тогда ответь: что ты делал в тот год, четвертого дня жатвенного месяца?

– Ну, дочка, ты хватил! – вмешался погонщик. – Три года назад? Неужели молодой человек помнит каждый свой день...

И замолчал, увидев снисходительную ухмылку Бенца.

– Три года назад? – переспросил юнец небрежно. – Жатвенный месяц? Четвертый день? Помню, чего там не помнить! Я сидел верхом на бронзовом коне. Точнее, на крупе, позади покойного императора Ригардо Непреклонного.

Это заявление вновь повергло команду в сосредоточенное молчание. На этот раз первым заговорил Райсул:

– Все понятно. Этот несчастный безумен. Если он повествует о том, что ездит на бронзовых конях...

– Кто ездит? – обиделся странный юнец. – Что я – чародей, что ли? Никуда я не ездил. Просто сидел за спиной у Ригардо Непреклонного, а потом на плечи ему влез... Четвертый день жатвенного месяца, три года назад – это был всем дням день, мы к нему загодя готовились. В этот день племяннице ректора, сеора Антанио диль Фьорро, исполнилось шестнадцать лет. По этому поводу сеор Антанио устроил роскошный праздник. Угощение было – м-м-м! И гости – сеореты из лучших семей Белле-Флори. Танцы прямо на площади, перед зданием академии... то есть начали-то мы в саду, а потом выплеснулись на площадь, прямо с музыкантами, и всех прохожих тащили с собой плясать. И тут ветер сорвал с сеореты диль Фьорро вуаль и унес. Там на фронтоне конная статуя основателя университета – императора Ригардо. Он руку с мечом воздел вверх, так за кончик меча вуаль и зацепилась. Ну, вокруг сеореты закружились остроумцы: мол, императору при жизни не доставалось такого ценного трофея... а я взял да полез!

Лита побледнела:

– Так это... это... вы и были тот ненормальный?..

Бенц перестал ухмыляться. Взглянул девушке в лицо. Заговорил серьезно и сочувственно:

– Сеорета, не верю своим глазам... вы? Здесь? Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Лита быстро овладела собой:

– Нет, я не нуждаюсь в помощи. Единственное, что вы для меня можете сделать, – не называть меня сеоретой.

– Ну, если вы считаете, что... – неуверенно начал юноша.

– Считаю, – отрезала Лита. – Друзья, могу свидетельствовать, что этот человек действительно учился в академии.

– А ведь нет такого закона, чтоб капитанами быть только дворянам, – задумчиво сказала Мара. – Это только в академии простолюдинов не берут...

Леташи переглянулись, боясь поверить надежде, которая блеснула маяком во мраке. И впрямь, знали они случаи когда погонщик, набравшись опыта, покупал (иногда в складчину с командой) небольшой корабль и возил грузы. Серьезные поставщики с такими капитанами не связывались – только скупцы, что хотели получить перевозку подешевле. Но и эта участь лучше, чем на берегу искать работу врозь!

Только у старого погонщика оставались сомнения.

– Простите, сударь, но как вы ухитрились три года учиться под вымышленным именем? Существуют Бархатные Книги, в которых перечислены все покойные и ныне здравствующие дворяне всех стран, списки пополняются каждые десять лет. Неужели за три года в академии не спохватились, что у них учится несуществующий барон?

– Кто несуществующий?! – возмутился Дик. – Донатус деу Вильмготериан – несуществующий? Да в нем росту побольше, чем в вашем рябом леташе! И брюшко такое... вместительное. Мой ровесник, между прочим. У него поместье возле Ульдамера, он там сидит, как сыч в дупле. Я пару раз видел, как он со слугами выезжал на охоту. Я и подумал: вот дурак! Барон, а капитаном стать почему-то не хочет! Ну, раз ему от дворянской фамилии толку нет, так я ее возьму поносить.

Эти рассуждения крепко не понравились команде, но желание снова оказаться в небесах (да еще всем вместе, на одной палубе!) заставило леташей смолчать.

Наконец Мара не выдержала:

– А какой у вас, сударь, корабль-то?

Дик Бенц легко развел руками и ответил беспечно:

– Так ведь был бы капитан, а корабль найдется!

Вот тут-то все и началось...

5

*А в трактирах затевались драки.
Из широких голенищ взлетали
Синеглазые ножи, и пули
Застревали в потолочных балках.*

Э. Багрицкий

Команда взметнулась на ноги так же резко и дружно, как только что на защиту илва. На этот раз илв тоже вскочил, сверкая желтыми глазами и выпустив когти. Его, как и других, взбесило это издевательство. Обнадежить и тут же оставить с носом – да за такое надо выделывать насмешнику шкуру, как в кожевенной мастерской!

– Ты, – гаркнул боцман Хаанс, – ворона в шляпе! Я ж тебе все бимсы и шпангоуты переломаю! Я ж тебя...

И боцманский кулачище тяжело ухнул... в воздух. Туда, где только что торчала наглая физиономия капитана без корабля.

Как этот вьюн ухитрился увернуться? Оказался рядом с боцманской рукой, ухватил ее за запястье, рванул по ходу удара. Боцман растянулся на столе – и тут же Дик Бенц шархнулся от глиняного кувшина, брошенного Марой.

– Сволочь! – крикнула девушка. – А я-то почти поверила!..

Кувшин разлетелся вдребезги на середине зала.

– Эй, там!.. – вскинулся у входа вышибала. – Посуду бить?!

Его прервал грохот: боцман Хаанс перевернул стол, который мешал добраться до паршивца Бенца. Посуда разлетелась по залу, на шум обернулась вся таверна. Боцман перепрыгнул через опрокинутый стол и ринулся к обманщику. Проворный юнец вновь уклонился от удара и дал боцману подножку. А когда тот растянулся на полу, Дик Бенц сорвал с себя шляпу, надел на голову оказавшейся рядом подавальщице и быстро проговорил:

– Побереги ее, красotka!

И тут же помчался к лестнице, потому что на него с двух сторон набросились халфатиец и вооружившаяся медным блюдом Мара.

Дремавшая на галерейке старуха с бубном проснулась, глянула вниз и проницательно заявила:

– Сейчас будет всем пляскам пляска! А ну, мальчики, вжарим!

И с галерейки понесся разухабистый мотивчик: «Что за парень! Ну и парень! Ай да удалец!»

А внизу вышибала ухватил за ворот старика-погонщика, смекнув, что именно у него – остатки денег всей компании.

– А ну, стой! Кто за посуду будет платить, за мебель, за...

Вышибала не договорил: на него прыгнул илв. Человеку бы так не прыгнуть: с места, по-кошачьи, собрав невероятно гибкое тело, как пружину, и метнувшись вперед. Бросок был так силен, что вышибала не устоял на ногах и покатился по полу вместе с вцепившимся в него илвом.

Погонщик подобрал чудом не разбившуюся кружку, склонился над катающимся по полу живым клубком, улучил момент, когда сверху оказалась голова вышибалы, и аккуратно приложил по этой голове глиняным донцем.

Кружка разделила судьбу прочей незадачливой посуды, а вышибала больше в событиях участия не принимал, разве что другие спотыкались о его бесчувственное, как мешок с углем, тело.

А Дик Бенц тем временем столкнулся с лестницей халфатийца, да так удачно, что тот и Мару с ног сбил. Но оба сразу вскочили и вновь ринулись на штурм лестницы.

– Да что ж это такое? – весело прокричал Бенц. – И команду толком не навербовал, а уже мятеж унимаю!

– Я тебе покажу команду! – рычала Мара, стараясь достать до него блюдом. – Я тебе покажу «навербовал»!..

Под двойным напором Дик поднимался все выше, сдавая позиции ступеньку за ступенькой. За шпагу взяться он и не пытался – орудовал кулаком и сапогами. Вся таверна с интересом наблюдала за ходом боевых действий.

Лита швырнула кружку в Бенца, но промахнулась, угодила в захмелевшего леташа, мирно дремавшего за столиком у лестницы. От удара тот проснулся и, ничего не поняв, свирепо вцепился в своего собутыльника, тоже осоловевшего.

Райсул и Мара загнали самозванца на галерейку. Казалось бы, отступить парню некуда. Однако под одобрительные крики зевак Бенц перемахнул через перила – но не шмякнулся на пол, а ухитрился уцепиться за прибитые к стене для украшения лосиные рога.

– Ишь ты! – восхитился краснолицый леташ. – И шпага ему не мешает!

Сильно раскачнувшись на рогах, Бенц с ловкостью, достойной илва, спрыгнул на ближайший стол и веселым демоном прошелся по нему, топчя закуски и сшибая кружки.

Казалось бы, сидящие за столом леташа должны были немедленно стащить наглеца на пол и отпинать так, чтоб никакой лекарь ему ребра на место не вставил. Так бы и случилось, но в этот самый миг толстяк-капитан, только что мирно смаковавший свиное ребрышко в сторонке от своей команды, подал голос:

– Эй, леташа погорелые! Что у вас там за болтанка на курсе?

В другое время команда «Облачного коня» уважила бы капитанский шнур и ответила толстяку чинно, честь по чести. Но сейчас они были разъярены. И боцман свирепо гаркнул в ответ:

– Хлебай свое пиво, пузан, пока тебе рожу не таранят!

В пировавших леташах тут же пробудился командный дух: нашему капитану хамят?! Парни загомонили наперебой:

– Это кто таранить будет? Ты, рябой? Бабу свою тарань!

– Что эти облачные кони вытворяют, а?

– Свой капитан от них убеет, так на чужих гавкают!

– И бьют всемером одного!

– А ну, братва, подрежем им курс!

Толстяк отбросил кость, воскликнул:

– Эх, вспомнить, что ли, молодость?

И бесстрашно атаковал боцмана Хаанса.

Леташа бодро поддержали своего капитана. И закипела такая удалая потасовка, что музыканты, переглянувшись, сменили мелодию на марш «Великая Битва у Черной скалы».

Даже трусоватый юнга Олух не забился под стол, как делал обычно, если поблизости вспыхивала драка. Держась подальше от общей свалки, он подбирал разбросанную посуду и швырял кружки и миски в Дика Бенца. Не попал ни разу, хотя молодой небоход представлял собой отличную мишень: он так и не спрыгнул со стола, азартно и весело обороняя взятую высоту от атак мятежной команды.

За шпагу парень не брался, но и безоружным не был: подавальщица нырнула в каморку, вернулась со шваброй и швырнула ее Бенцу. Тот поймал швабру на лету, тут же произвел жалкую деревяшку в высокий ранг оружия и пошел лупить ею по головам и плечам.

Общее веселье прервал истошный вопль от двери:

– Стража идет!

Леташи метнулись к дверям, оставив на полу двоих оглушенных неудачников. Первым исчез толстяк-капитан: видно, крепко вспомнил молодость!

Экипаж «Облачного коня» замешкался, приводя в чувство халфатийца, которому перепало по голове. А когда Райсул поднялся на ноги, удирать было поздно: в таверну входила стража во главе с усачом-сержантом. Тут же маялся удрученный трактирщик.

Оркестр, оценив ситуацию, перешел на похоронный марш.

– Вот уж везет так везет! – с болью выдохнул Отец.

Попасть в каталажку для остатков погорелого экипажа было все равно что лезть в пещеру к голодному дракону. Поручиться за леташей было некому. При неудачном повороте дела в суде можно было и в рудник загреметь: бродяги, буяны...

А кто совершенно не испугался, так это Бенц.

При первых звуках тревоги наглец отшвырнул швабру, прыгнул со стола, снял свою шляпу с головы восхищенной подавальщицы, галантно сказал: «Благодарю, мое сердечко!» – и, не обращая внимания на общую панику, принялся отряхивать пыль с камзола и поправлять манжеты. К моменту появления стражи молодой небоход был уже при полном параде – и решительно зашагал навстречу сержанту.

– Наконец-то! – воскликнул он возмущенно. – Как стража нужна, так ее не докличешься! Безобразие! Назавтра я приглашен на обед к бургомистру, так у меня теперь есть тема для застольной беседы.

– Что здесь произошло? – горестно воскликнул трактирщик Вайс, оглядывая разгромленную таверну.

– Как я понимаю, вы – содержатель этого притона? – перенес на него внимание Бенц. – А мне говорили, что здесь приличное место, где можно за бокалом вина заняться делами... – Он снова обернулся к сержанту: – Навербовал команду, уточнял условия... и вдруг начинаются какие-то демонские танцы!

– Да кто вы такой, сударь? – перебил его сержант, сердито топорща усы.

– В этой компании кто-нибудь умеет читать? – холодно поинтересовался Бенц. И, не дожидаясь ответа, развернул перед глазами сержанта свой роскошный пергамент.

Боцман дернулся было вперед, чтобы злорадно растолковать страже насчет титула этого брехуна. Но старик, угадав его намерение, двинул Хаанса локтем по ребрам. Погонщик не пропустил мимо ушей слова «навербовал команду». Похоже, упрямый «барон» решил спасаться не в одиночку.

– А кто мне возместит убытки?! – возопил Вайс, оглядываясь в поисках прислуги, чтобы что-нибудь узнать о происшедшем.

Но вышибала лежал на полу среди поверженных бойцов, а подавальщица спряталась в чулане, делая вид, что просидела там всю драку. Ей не хотелось выдавать властям и хозяину галантного молодого человека.

– Кто возместит убытки? – надменно переспросил Бенц. – Полагаю, те, кто громил ваш кабак... Сержант, могу ли я со своей командой уйти из этого неудобного места?

Баронский титул, четко обозначенный на пергаменте, произвел на командира стражников впечатление. Слова щеголя-небохода о завтрашнем обеде у бургомистра – тоже. Но отпустить, даже не допросив, ораву потрепанных личностей, застигнутых на месте большой кабацкой драки... причем на глазах у подчиненных...

Надо было что-то сделать. Хотя бы для поддержания собственного авторитета.

И тут сержанта осенило.

– Эй, Диого, у тебя «Слово богов»?

– У меня, командир! – отозвался бородатый Диого, выходя вперед. К его поясу был подвешен деревянный футляр, из которого стражник бережно извлек книгу.

Полностью «Слово богов» излагалось в нескольких томах, а это сокращенное издание повествовало о главном: о демиурге Эне Изначальном, сотворившем мир и Старших богов – Фламмара, Антару, Эссею и Вильди; о многочисленных Младших богах, порожденных этой четверкой, и о том, какие молитвы угодны каждому божеству.

– В некоторых случаях я имею право принимать у подозреваемых присягу, – важно заметил сержант. – Пусть каждый из этих леташей поклянется на священной книге, что действительно состоит в команде его милости барона деу... деу... виноват, у меня ваша благородная фамилия не выговаривается.

«Его милость» снисходительно кивнул: мол, прощаю дурака. И ни словечком не пришел на помощь команде, которая застыла в выборе: каталажка или клятвопреступление.

И тут вперед вышел старый погонщик.

– Позвольте, сударь, – негромко сказал он сержанту и положил ладонь на священную книгу. – Я, Маркус Тамиш, погонщик лескатов, прозванный Отцом, клянусь именем Эна Изначального, что с сегодняшнего дня я в команде вот этого капитана. – Он учтиво кивнул в сторону Дика Бенца и убрал ладонь с книги.

Дик заулыбался, оценив уловку погонщика, не назвавшего его бароном. Позабавила его и хитрость сержанта: тот не приказал леташам поклясться, что не они затеяли драку. Командир стражников старался замять дело.

А перед сержантом уже стояла черноволосая красавица в мужской одежде.

– Я, Мара Монтанилья, пастушка лескатов, прозванная Спандийской Змеюкой... пусть ужом завяжется язык у того, кто первым назвал меня так...

Стражники расхохотались.

– Женщина, не превращай присягу в балаган! – одернул сержант спандийку.

– Виновата, сударь... Клянусь Эном Изначальным, что с сегодняшнего дня я в команде вот этого капитана.

Вперед вышел верзила-джермиец. Положил руку на книгу и степенно сообщил:

– Я, Хаанс Куртц, боцман, прозванный Рябым Медведем...

И повторил слово в слово то, что сказали до него Отец и Мара.

Следующей присягу принимала Лита:

– Я, Лита Фьорро, прозванная Паучком, повар...

Дик Бенц вскинул голову. Он заметил, что сеорета Лита опустила в своей фамилии частицу «диль», которая в Илли указывает на дворянское происхождение.

Удивило его и другое. На летучем корабле нет камбуза. Нарезать окорок и раздать сухари и вино – не работа. Всерьез готовить приходится лишь во время несчастных стоянок возле берега. Повару приходится делать ту же работу, что и прочим леташам: паруса ставить, грузы воровать.

Но – эта девочка?..

А в принесении присяги возникла заминка.

– Ты, когтистый, разве наших богов считаешь? – строго спросил сержант.

– Раз живу на вашей земле, то и почитаю ваших богов, – хладнокровно отпарировал илв. Его тонкий птичий голос не казался смешным.

– Резонно. Ну, клянись.

– Я, илв по прозвищу Филин, другого имени не имеющий, матрос и плотник...

Шестой член команды, халфатиец, прикосаться к «Слову богов» отказался: вера запрещает. Но он, Райсул, сын Меймуна, прозванный Грифоном, матрос и парусный мастер, готов поклясться Единым и его пророком Халфой в том же, в чем клялись другие.

Сержант махнул рукой и отступился от иноземца.

– Ну, все, что ли? – рыкнул бородач Диого.

Боцман хлопнул себя ладонью по лбу:

– Юнгу забыли!

Огляделся. Нашел затаившегося в углу подростка. Подтащил за шиворот к сержанту:

– Слышал, что говорить надо? Давай, как все.

Юнга сжался и забормотал:

– Я, Олух... прозванный Олухом... как все...

Расхохотались и стражники, и леташи.

– Уж вы его простите, сударь, – сказал боцман командиру стражи. – Он у нас с придурью.

Развеселившийся и подобревший сержант кивнул:

– Да я и не думаю, что этот вояка разнес таверну... Ваша милость может забирать своих людей.

* * *

Отойдя от «Попутного ветра» на безопасное расстояние, команда остановилась, чтобы обговорить неожиданный оборот дел.

Дик Бенц сиял, как только что отчеканенный делер:

– Вот видите, как славно получилось! Теперь вы – моя команда!

Мара вздохнула и жалобно, как маленькая девочка, попросила:

– Отец, скажи команде мудрое слово!

Маркус Тамиш, прозванный Отцом, пристально взглянул на нового капитана – и сказал команде мудрое слово:

– Влипли...

Ожерелье-I. Пророчество

1

*Я зажгу свою свечу!
Дрогнут тени подземелья,
Вспыхнут звенья ожерелья, –
Рады зыбкому лучу...
И проснутся семь огней
Заколдованных камней!*

Тэффи

Черная поверхность воды неподвижно стыла меж замшелых валунов. На каждом камне было вырезано по знаку. Что означали эти линии, глубоко ушедшие в гранит, не знал ни один из живущих ныне людей. Народ, создавший эту письменность, давно ушел в вечность, истребленный предками виктийцев. А знаки остались – и несли в себе скрытую силу. Даже мох, пышно разросшийся на валунах, не посмел закрыть глубокие бороздки.

Вода, замкнутая в кольцо из валунов, словно дышала холодной, ровной, застоявшейся за долгие годы ненавистью.

Над колодцем навис каменный свод – низкий, в разводах плесени, невидимых в темноте. Колодец сквозь мрак гляделся в свод черным глазом воды, всматривался, пытался проглядеть насквозь.

Но вот у входа в подземный зал замерцало пламя свечи. Ему не под силу было озарить мрачное подземелье, но оно уверенно очерчивало спокойный, с мягкими, расплывчатыми краями круг света, который неспешно приближался к колодцу.

Моложавый, статный человек со свечой в руке склонился над водой, стараясь не касаться валунов. Не потому, что опасался скрытой в камнях колдовской силы, нет. Просто не хотел испачкать свое белое одеяние.

– Здравствуй, учитель, – сказал он негромко. – Ты слышишь меня? Это я, Алмаз...

Колодец презрительно молчал.

– Я давно не навещал тебя, – продолжал Алмаз. – Прости, столько дел... Ожерелье процветает. Помнишь, ты говорил, что я, Двухцвет и Сапфир зря взяли имена у драгоценных камней... что мы – три паука в банке и когда-нибудь сожрем друг друга. Ты оказался не прав. Нас уже семеро, и каждый воистину драгоценен. В замке постоянно живут лишь четверо... ах, замок, не устаю тебя за него благодарить, ты так замечательно его выстроил!

Поверхность воды покрылась крупной рябью, но тут же вновь застыла, словно черный лед. Но человек успел заметить это движение, и по его тонким бледным губам скользнула злорадная улыбка.

– Мы упорно трудимся и совершенствуемся, учитель. Помнишь, как Сапфир теряла сознание от напряжения, протащив облако от Китовой бухты до Рудного кряжа? Теперь она устраивает бурю так уверенно, словно ее матерью была сама Эссея Легкокрылая. Года три назад прогнала ураган через всю Антарэиди, до Спандийского моря, даже горные хребты не были ей помехой! А ведь не прошло и пятидесяти лет, как я тебя... как мы расстались с тобой, учитель. Ах, как мне не хватает твоих уроков, твоих мудрых советов...

Отражение лица на поверхности воды расплылось радужными пятнами – и сплелось в другую картину: страшная морда чудовища с окровавленными клыками.

– Ну, зачем так, зачем? – мягко попенял гость своему незримому собеседнику. – Во все я не зверь, не ужасная тварь. Наоборот, я благодетель человечества – не нынешнего, разумеется, а будущего. Идеального, безупречного человечества, которое я создам при помощи скальпеля и магии. У меня уже получают люди с жабрами на шее и с перепонками между пальцами. Чешуя, правда, приживается скверно, рабы умирают под скальпелем. Но пятерых я все-таки создал – живут, плавают. А вот крылья никак не удастся вживить в человеческие спины... Я еще не утомил тебя, учитель? Перед кем и выговориться, как не перед тобой! Ты всегда был так терпелив и добр ко мне...

Отражение вновь обрело черты человеческого лица, стало четким – и вдруг словно взорвалось. Череп раскололся, мозг ошметками разлетелся в стороны, глаза омерзительно вытекли.

Гость расхохотался:

– Ах, учитель! Неужели ты хотел бы проделать это со мною? Не верю, не верю! Должно быть, ты предупреждаешь меня, чтобы я берег здоровье? Я берегу. Ты же видишь – я вернул себе молодость!

Капля воска сорвалась со свечи и растеклась на поверхности воды, словно плевков по щеке.

– В Ожерелье вошел новичок, мы назвали его Рубин. Ничего не умеет! Не владеет никакой магической техникой! Ни свечу взглядом зажечь, ни бокал по столу без прикосновения передвинуть... Зато разработал и безупречно проводит обряд возвращения молодости. Сам живет уже третью жизнь. Ах, как же это изумительно: дожить до глубокой дряхлости, до скрипа в суставах, до пергаментной кожи, до шамканья беззубым ртом – а потом разом вернуть весь цвет и радость юности: ловкость, гибкость, красоту, яркость зрения, мужскую силу! Сапфир и Двцвет тоже помолодели.

Отражение матово белело на поверхности воды. Теперь оно имело вид черепа.

– Хочешь сказать, что все мы будем в земле? – покосился мужчина на череп. – Не уверен, не уверен, Рубин работает над проблемами бессмертия!.. Пойду и я работать, меня ждет скальпель... Ах да! Я рассеянный глупец! Принес подарок – и чуть не забыл отдать!

Рука мужчины качнула над колодцем тонкую серебряную цепочку.

Вода поднялась черным пузырем – и вновь опала. Казалось, воздух подземелья стал ледяным от плеснувшей из колодца волны страха.

– Ты ведь любишь серебро, учитель, – негромко сказал мужчина и разжал пальцы.

Цепочка канула в глубину – и подземелье содрогнулось от беззвучного вопля. Вода забила ключом, со дна всплыли крупные пузыри, словно там захлебывался кто-то огромный. Запахло кровью.

– Я рад, что тебе нравится мой подарок, учитель, – благодушно произнес Алмаз. – Жаль, что не слышу твоего голоса...

И, словно ответом на его слова, откуда-то донесся отдаленный вопль.

Алмаз вскинул голову.

Вопль повторился – громче, резче, в нем звучало проклятие.

– Это кто же так расшумелся? Пойду взгляну... До встречи, дорогой учитель. Я как-нибудь зайду навестить тебя... с подарком, обязательно с подарком!

Алмаз поднял повыше свечу и пошел к низкой, потемневшей от времени двери. Он уже не улыбался. И не оглянулся на колодец, kloкочущий в бессильной ярости. Просто выбросил из головы своего немногого собеседника.

2

*По лесистым его берегам
И в горах, у зеленых подножий
Поклоняются странным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.*

Н. Гумилев

Идол стоял в глубокой нише – жутковатого вида фигура в человеческий рост. Он был вытесан из красного, с темными прожилками камня и оттого похож был на человека, с которого содрали кожу. Однако лицо, вырезанное пусть и с дикарским, но явным мастерством, выглядело вполне довольным. Глаза блаженно щурились, губы расплылись в улыбке, совсем бы добродушной, если бы она не открывала клыки в углах рта. Рожа идола лоснилась, натертая жиром, а член его был вздыблен, как горячий конь.

У стены напротив был привязан к железным кольцам, вбитым в стену, обнаженный мужчина – настоящий богатырь, викиец. Он яростно пытался порвать свои узы и во все горло сыпал проклятиями и угрозами. Это его громоподобный голос, прорвавшись сквозь тяжелые двери и низкие коридоры, долетел до подземелья, до колодца с черной водой.

А между пленником и идиолом низенькая полная женщина в темном балахоне и теплой шали разводила костер прямо на каменном полу. Больше в комнате не было ничего – ни мебели, ни ковров, только четыре горящих светильника по углам.

Женщина действовала ловко, без спешки и суеты, не обращая внимания ни на крики пленника, ни на насмешливый взгляд идола. Шаль сползла с ее головы, открыв шапку коротких, иссиня-черных, буйно выющихся волос.

– Что кутаешься, Агат? Холодно? – раздалось от дверей.

Женщина вскинула голову и приветливо ответила перешагнувшему порог Алмазу:

– Мерзну, вождь! Такие скверные края: море холодное, земля заледеневшая!

Теперь, когда женщина подняла глаза, стало видно, что кожа у нее темно-коричневая, лицо круглое, с широким носом, большим ртом и темными глазами.

Пленник, замолкший при появлении незнакомца, вновь взорвался потоком брани:

– Твари, демонские подстилки, грязные колдуны, испепели вас Фламмар! Я, Улаф из потомков Хельма Дракона, порвал бы вас в кровавые лохмотья, если бы не...

Алмаз вскинул левую руку ладонью вверх – и голос викийца оборвался. Пленник силился что-то крикнуть, но горло издавало лишь тихое сипение.

– Зачем, вождь? – огорчилась женщина. – Мне нравятся его вопли. И Тлолкалойо доволен. – Она кивнула в сторону красно-бурой статуи. – Тлолкалойо сегодня получит достойную жертву: не забитого раба, а истинного воина, могучего и бесстрашного.

– Накричится еще, – добродушно ответил Алмаз. – А пока пусть не мешает... О чем ты хочешь просить своего бога?

– Пусть откроет будущее. Двувцвет хочет узнать, доживет ли старший альбинский принц до того дня, когда ему суждено надеть корону.

Алмаз рассеянно кивнул. Его не особенно занимала политика.

Тем временем Агат закончила разводить костер, сняла шаль и сбросила балахон, оставшись обнаженной. Теперь видно было, что она немолода. По лицу возраст читался с трудом, но тело – обрюзгшее, с отвисшим животом и потерявшими упругость грудями – говорило о том, что зрелость женщины уже переходит в старость.

Не смущаясь под мужскими взглядами, просто не замечая их, Агат подошла к нише со статуей и взяла два предмета из ржавого железа, лежащие у ног каменного божества.

– Спроси своего бога заодно о судьбе Ожерелья, – попросил Алмаз.

Он не верил в божественную силу каменного истукана с труднопроизносимым именем, но в пророческие способности Агат верил безоговорочно. Из-за этих способностей таумекланка не затерялась среди рабов, которых поглощал и не выпускал Семибашенный замок.

– Я всегда спрашиваю про Ожерелье! – чуть обиженно отозвалась женщина, привычно надевая что-то вроде железных перчаток с длинными когтями.

– Ну и славно, – кивнул Алмаз. – Я найду попозже, узнаю...

– Верни жертве голос, вождь. Зачем лишать Тлолкалой радости?

– Да пожалуйста, пусть радуется! – усмехнулся Алмаз, легко махнул левой кистью в сторону пленника и вышел из комнаты.

Идя по узкому, с низким потолком коридору и слушая затихающие позади угрозы и проклятия, маг посмеивался: Агат прекрасно освоила чужой язык, но осталась дикаркой из таумекланского леса. Она, единственная в Ожерелье, не стремится познавать новое. Просто служит своему богу, как служила на родине.

Алмаз вспомнил, как он и его собратья по Ожерелью, измерив могучий магический потенциал рабыни, предложили ей стать одной из них. А дикая баба выставила условие: пусть ей привезут ее божество! Маги оценили характер таумекланки и снарядили экспедицию из идолом на далекий материк Фламмарэйди. Правда, мореходы, которые добыли статую, попутно спалили храм, а жрец переловили и продали в рабство. Но Агат, узнав об этом, не огорчилась. Сказала: «Теперь у Тлолкалой будет каменный храм. А те глупые козы не смогли бы угодить божеству так, как это буду делать я!..»

Алмаз распахнул дверь. В лицо ударило солнце, пронзительно закричали чайки. Серое северное море мерно катило волны на каменистый берег. Винтовая лестница вела вниз от каменной площадки. Маг начал спускаться по ступенькам. И первый же поворот открыл перед ним картину, которая потрясла бы человека, увидевшего ее впервые.

По берегу стилого моря зеленым ковром полыхал лес. Не суровый виктийский ельник – буйный, яркий лес, празднество небывалых деревьев с огромными сочными листьями. Толстые, как канаты, лианы обвивали стволы. Цветы облепили ветви гроздьями – алыми, оранжевыми, пурпурными, густо-синими.

Сверху было видно, что лес тянется вдоль берега и скрывается за серыми скалами у горизонта. Алмаз знал, что там, за скалами, лес и оканчивается. Но глаза отказывались в это верить. Слишком нагло, слишком победно лес грозил ветвями морю и утесам – словно армия короля-завоевателя шла веселым маршем по пустынному побережью...

Алмаз спустился на берег. Край леса производил странное впечатление: не опушка, а именно край, словно кто-то гигантским ножом разделил пышное цветение растений и суровые валуны, вылизанные догола соленым ветром. И на этом краю меж камней стояло удобное деревянное кресло. Маг опустился на сиденье и крикнул:

– Эй, Изумруд! Принимай гостя!

И приготовился ждать, любуясь кричащими, варварскими, но восхитительными сочетаниями красок – листья, цветы, стволы.

Войти в лес Алмаз и не подумал, хотя охранные чары его бы пропустили. Но лес был битком набит всякой таумекланской мерзостью, вроде крупных комаров, ядовитых змей и растений-кровопийц – захлестнут кожу колючими усиками и тянут кровь.

Кроме того, Изумруд вывел растения, каких не знал его родной Таумеклан. Например, дерево, за которое Ожерелье признательно лесному чародею. Привяжешь к стволу раба, дерево окутает его ветвями. А когда раба отвяжешь, он становится тупым, но покорным.

Теряет способность к размышлениям, но старательно исполняет повеления и рта не раскрывает без приказа. В замке теперь вся прислуга такая... неразговорчивая...

Сверху послышалось шуршание, словно по ветвям скользила огромная ящерица. Маг поднял голову – и встретился глазами с илвом, раздвинувшим ветви.

Впрочем, Алмаз глядел в эти круглые желтые глаза несколько мгновений. Илв тут же скользнул рукой к голове и надвинул на глаза повязку из черной материи.

Алмаз не удивился. Он знал, что солнечный свет бьет по глазам илвов, а ткань тонкая, сквозь нее Изумруд видит все вокруг – не очень четко, зато глазам не больно.

– Здравствуй, вождь! – высоким голосом приветствовал гостя илв.

– И ты зовешь меня вождем, – усмехнулся Алмаз. – Ваши таумекланские штучки...

– Ты был у Агат? – догадался илв.

– Да. Она готовится к жертвоприношению. Я ушел, чтобы не мешать. Да и раздражает меня это зрелище.

– Тебя, вождь? Но ты сам каждый день терзаешь ножом человеческую плоть!

– Это не нож, а скальпель, – уточнил Алмаз.

– Те, что умирают на залитом кровью столе, не видят разницы.

Алмаз вздохнул про себя, вспомнив мелькнувшую недавно мысль: да, илв и шаманка на удивление быстро и хорошо освоили чужой язык – но остались дикими натурами, с трудом воспринимающими высокие идеи.

– Я не терзаю плоть, – попытался объяснить маг. – Я творю. Я создаю новое человечество. Рабы, лежащие под скальпель, – материал для великих свершений. Агат, разрывая жертву в клочья, входит в транс и пророчествует. Я уважаю ее методы, но мне жаль, что они несколько расточительны. Может быть, я дал бы этому пленнику крылья!

– Как дал жабры Аквамарину?

Алмаз гордо кивнул.

Да, он был первой серьезной удачей мага-хирурга, этот рыбак-иллиец, проданный пиратами в рабство на север. Алмаз вживил ему акульи жабры. Но до конца трансформацию тогда довести не удалось. Кто же знал, что пленник – скрытый маг, да еще такой сильный! Когда он пришел в себя и понял, что с ним сделали, произошел мощный выброс магической энергии – замок содрогнулся! Позже молодой маг смирился со своей участью, вошел в Ожерелье, развивает свои способности и изучает море...

Тем временем илв рассуждал:

– Ты убиваешь, Агат убивает, Рубин убивает... и всё не для того, чтобы насытиться. Не понимаю!

Алмаз взглянул на собеседника – и сразу отвел глаза. Нет, у него не вызывала отвращения вытянутая вперед нижняя часть лица, напоминающая звериную морду. Не отталкивала мага и бурая шерсть, покрывавшая спину, плечи и загривок лесного чародея (грудь, живот и руки шерстью не обросли). К этому Алмаз привык. Но сейчас Изумруд, распластавшись по стволу дерева, висел вниз головой – и небрежно разговаривал в этой позе. У Алмаза при взгляде на него начиналось головокружение.

– Не надо сравнивать, – мягко ответил он. – Агат убивает, чтобы увидеть вероятные варианты будущего. Рубин убивает, потому что ему нравится убивать, это для него – как вино или ласки женщины... ладно, каждый развлекается как может. Но я убиваю не ради убийства! Я леплю из живого существа нечто более совершенное!

– А что будет делать нынешнее человечество, когда ты вырастишь свою совершенную породу людей? – птичьим переливчатым голосом спросил Изумруд.

Маг в белом одеянии, закрыв глаза, подставил лицо лучам солнца.

– Нынешнее? – переспросил он рассеянно. – Полагаю, вымрет за ненужностью.

Изумруд несколько мгновений глядел на собеседника. Затем издал чирикающий звук, исчез в листве, тут же снова вернулся:

– Держи, вождь!

Алмаз приоткрыл глаза и с опаской покосился на продолговатый желтый плод.

– Это можно и людям тоже – или только илвам?

– Агат каждый день ест. Шкурку с него сними.

Принимая угощение, маг усмехнулся. Агат каждый день приходит сюда за плодами, вот как? В Таумеклане люди и илвы враждуют меж собой. А здесь, в Антарэйди, два пленника, привезенные из-за океана в трюме для рабов, подружились. Должно быть, вместе вспоминают родину...

– Все-таки твой лес – чудо высокой ступени мастерства, – сказал Алмаз, попробовав плод, немного приторный, но вкусный.

– Лес? – грустно отозвался илв. – Это жалкий садик! Во всей Антарэйди, от Ледяного до Спандийского океана, есть только один настоящий лес – Форенуар!

– Потому что там живут илвы? – усмехнулся Алмаз.

Конечно, он знал, что два века назад безымянный илв, которого для забавы, как диковинного зверя, держали во дворце франусийского короля, исцелил своими зельями умирающего от яда Каэтана Гордого. На вопрос монарха, какой награды желает его спаситель, илв попросил лес, который принадлежал бы его соплеменникам и куда не смел бы войти ни один человек. Каэтан Гордый издал указ – и с тех пор в Форенуар закрыта дорога людям. Сначала туда бежали от господ рабы-илвы, а после отмены рабства в большинстве стран почти все илвы Антарэйди переселились в Форенуар...

– Да, – ответил Изумруд «вождю». – Там живут илвы. И только они знают, как сделать лес живым и разумным...

Посидев еще немного на берегу, доев плод и побеседовав с илвом, Алмаз неспешно направился обратно, к лестнице.

В коридоре не слышно было воплей – значит, время было рассчитано верно.

Войдя в комнату, где на полу догорал маленький костерок, Алмаз бросил беглый взгляд на висящий на кольцах истерзанный труп, так же вскользь глянул на идола – на красно-бурым камне не видны были следы крови – и тут же перенес внимание на лежащую у костра женщину.

– Агат, тебе плохо? Помочь дойти до постели? Или прислать рабыню?

Жрица подняла голову. Она походила на пьяную, но у Алмаза и мысли такой не мелькнуло. Он знал, сколько силы отнимает у прорицательницы взгляд в будущее.

– Не надо. Отлежусь здесь, под взором Тлолкалойо.

– Что ты узнала?

– Старший альбинский принц сядет на трон. Но править будет не он, а его сестра Энния со своим любовником. Младший брат будет им мешать, но Энния сильнее.

– Ты сказала – со своим любовником... Кто этот человек? – заинтересовался Алмаз, хотя его вообще-то не волновали придворные дразги.

– Я шла по разным тропинкам, и на каждой из тропинок рядом с Эннией был другой мужчина. И каждый раз принцесса побеждала.

– Я передам это Двухцвету. А Ожерелье?

– На каждой из тропинок я видела камень, о который мы можем споткнуться.

– Что за препятствие?

– Человек.

– Ты видела его лицо?

– Нет. Тлолкалойо произнес его имя. Но оно такое маленькое, такое легкое, что выскальзывает из памяти... Я его ловлю, а оно уворачивается... уворачивается...

Женщина уронила голову на грудь. Алмаз встряхнул ее за плечи:

– Назови это имя!

– Не помню... Банц... Бонц... Бенц...

II. Обретение шхуны

1

*Если судьба пару дней нас не топчет –
Стало быть, ногу подвернула.*

Б. Брехт

Закон гласит, что матрос или леташ, завербовавшись в команду, в течение года не может разорвать договор. Только сам капитан, если пожелает, его уволит.

Так что клятва, принесенная в разгромленной таверне, на целый год привязала семерых небоходов к Дику Бенцу, свалившемуся на их головы невесть откуда и невесть зачем.

Но они больше из-за этого не огорчились, хотя сразу поняли, что выплата жалованья далека от них, как Порт-о-Ранго от Виктии. Бенц поведал им безо всякого смущения, что он был вынужден испариться прямо с праздника, устроенного в академии по поводу вручения небоходам капитанских дипломов. На Дике был его лучший наряд – вот этот самый, с серебром. Ну, и пришлось птичкой лететь из Иллии, унося в клюве диплом.

– А здесь, в Порт-о-Ранго, – объяснял этот мальчишка с капитанским шнуром, – мне встретила милая, добрая девушка, которая взяла на себя труд привести мою одежду в порядок. Постирала, погладила, шляпу отчистила. Правда, совсем не заметно, что я в этом наряде ночевал на сеновалах и в кустах от Белле-Флори и досюда?

Команда уже не злилась. Люди обрадовались хотя бы такому нелепому поводу остаться вместе. К тому же леташки начали привыкать к своему юному капитану, к жизнерадостности, которая так и сияла в нем.

Дик Бенц был твердо уверен в том, что непременно раздобудет корабль, и эта уверенность понемногу передалась команде. Старый погонщик негромко сказал своим «детям»:

– Как говаривал философ Гуиндред, прозванный Сварливым Отшельником, безумцев боги с золотой ложки кормят...

Новый капитан, как тут же выяснилось, обладал прекрасным слухом, потому что весело отозвался:

– И тот же Сварливый Отшельник как-то сказал: «Ум без крупы безумия – что каша без соли».

Отец уважительно приподнял бровь и оставил при себе соображение о том, что же такое «крупы безумия» и какими бочками ее следует измерять в капитанском рассудке...

Вновь сколоченная команда решила не расставаться и снять жилье на всех, благо ни у кого из них не было в Порт-о-Ранго крыши над головой. Спросили капитана: желает ли он присоединиться к команде – или его примет под свой кров упомянутая им милая и добрая девушка? На это Дик Бенц со вздохом ответил, что милая и добрая девушка – швея, которая делит комнату с двумя подругами. Конечно, можно бы убедить всех троих пустить постояльца, но бедняжкам и без того тесно...

А потому небоходы разыскали заброшенный сарай (родовое владение некоего кабатчика) и сняли его на несколько дней, внося в качестве залога остатки «сказочных» денег, которые Отец во время драки ухитрился спасти вместе со шляпой.

Все дружно решили попытаться раздобыть денег. Оставив юнгу Олуха прибираться сарай, незадачливые небоходы разошлись в разные концы Порт-о-Ранго.

К вечеру они возвратились – почти одновременно, словно сговорились, не было только капитана. Юнга ждал их у входа, сияя улыбкой хорошо поработавшего человека. И в самом деле, пол в сарае был чисто подметен, паутина исчезла, угол был завешен старой длинной занавеской, за которую, как выяснилось, супруга кабатчика пообещала вечером взять с постояльцев еще полушку. А еще она посулила добыть на время соломенные матрасы – по грошу за каждый.

– Это для Литы и Мары, – кивнул юнга на занавеску. – Спать за нею.

– Отлично! – ответил погонщик, усаживаясь прямо на пол. – Заплатим, заплатим. Не ахти какие деньги добыли, но на матрасы наскребем. И ужин принесли. Мара, дочка, развязывай узелок... а ну, леташи, хвастаемся: кому как повезло?

Мара развязала принесенный с собою узелок, расстелила его, как скатерть. И на скатерти этой оказались несколько румяных лепешек, полдюжета вареных яиц, пучок зеленого лука и полкруга кровяной джермийской колбасы.

– Мы с Марой пошли в «Охапку дров», – пояснил Отец. – Я рассказывал байки про капитана Гайджа, Мара пела «Рыбачью деревню» и «Парня с навахой». Гости бросали в шляпу одни полушки, на полделера не наберется, – что с них взять, не леташи там гуляли, сплошь моряцкие морды. Зато они под наши песни да сказки так лихо пиво заказывали, что хозяин умилился и доплатил едой.

Мара, улыбаясь, резала колбасу.

Над ее плечом протянулась ручища боцмана, бросила на «скатерть» два больших румяных яблока.

– Это нашим красоткам, – прогудел Хаанс. – Мы с Райсулом в порту мешки таскали, по делеру на морду получили.

Все уселись вокруг угощения. Юнга замешкался, но халфатиец хлопнул его по плечу: давай, мол, присоединяйся!

– Я ничего не принес, – сообщил илв. – Отовсюду гоняли, даже разговаривать не хотели. Но к вечеру я договорился со столяром. Я показал ему, что умею делать с деревом, и он сказал, чтоб я с утра приходил. Обещал полделера в день.

– Полделера?! – взвилась Мара. – Ты ему показал, какой ты мастер, а он – полделера? Аж десять грошей? Ух ты, какая щедрая сволочь!

– Илвам много не платят, – развел руками Филин.

– Завтра я пойду к нему с тобой, – мстительно заявила Мара. – Спрошу этого урода, сколько его конкуренты заплатят поденщику-подручному, у которого руки не то что золотые, а прямо-таки бриллиантовые! Полделера, ха! Пусть этот жмот на полделера себе особняк построит, а на сдачу карету купит!

– Сходи, дочка, сходи, – поддержал ее погонщик. – Может, делер в день и вытрясешь. А нет, так пусть этот столяр хотя бы знает, что наш Филин в городе не одиночка, есть кому за него заступиться. А то вдруг столяр решит: мол, чужак поработает пока, а платить ему не обязательно...

– Пусть попробует! – выразительно потрянул боцман кулачищем. – Под верстак загоню!

– А у тебя как дела, дочка? – обернулся старик к Лите.

– Я продала шаль, которую связала в прошлом рейсе. Из всех моих вещей только шаль и уцелела – у меня на плечах была... Но пришлось купить там же новую пряжу, так что у меня только полделера. Вот они.

– Молодчина, Паучок, – улыбнулась Мара.

– Она-то молодчина, – донеслось от порога, – но и я не хуже.

Капитан подошел к «скатерти» (сидящие подвинулись, давая ему место), непринужденно уселся на пол, поставил рядом с лепешками бутылку вина и один за другим высыпал

на стол одиннадцать серебряных делеров. Все про себя сосчитали монеты, провожая каждую глазами.

– Ай-я! – восхитился халфатиец при виде денег, которые на борту «Облачного коня» он зарабатывал за полмесяца.

– Это где же столько сразу дают? – не удержался боцман.

– Там еще есть, – широко улыбнулся Дик Бенц. – У Старого моста, в игорном доме. Крупной игры там не ведется, но мне и по мелочи кое-что перепало. Я больше взял, но надо было вернуть долг.

– Одной милой и доброй девушке... – тихонько, вроде как для себя сказала Мара.

– Очень милой и очень доброй девушке, – подтвердил, не обидевшись, Дик Бенц и снова обернулся к боцману. – Говорят, большие ставки у Джакомо Ньюто, но там при входе надо деньги показать, да чтоб не меньше коронета.

Погонщик с тревогой взглянул на юношу:

– Не нашему брату лезть в капитанские дела, сударь, а только вы бы полегче с игорными домами. Там сначала человеку дадут выиграть, а потом понемногу с него шкуру сдирать начнут.

– Да ладно! – легкомысленно отмахнулся несносный мальчишка. – Я играть умею, меня дядя учил. И он говорил, что у меня здорово получается.

Старик попытался объяснить доходчивее:

– Сударь, игра – дело коварное. Сегодня выиграте, завтра проиграете.

– Проиграю? – изумился Бенц. – А зачем мне это надо?

Лита отрезала пол-лепешки, положила сверху кусок колбасы, два перышка лука – и подала капитану.

Тот принял угощение с учтивым кивком и сказал:

– Кстати о деньгах. Мы же еще плату не обговорили. Кто сколько получал у капитана Джанстена?.. Ох, у нас же кружек нет! Пошлем к хозяину за посудой или пустим бутылку по кругу?

Затевающийся разговор касался всех. Бежать за кружками не хотелось никому, даже юнгу пожалели, а потому погонщик ответил за весь экипаж: мол, если капитан не брезгает пить с командой, то можно и по кругу бутылочку отправить. И кивнул боцману. Тот ударом в дно вышиб пробку и протянул бутылку капитану.

Бенц дожевал колбасу, запил вином, передал бутылку сидящей рядом Лите и спросил боцмана:

– Ну и как вы с Джанстеном улаживались?

Хаанс ответил обстоятельно:

– В рейсе кормежка за счет капитана, а в порту – кто как хочет. Кто деньги бережет, те могут и в порту нашу корабельную сухомятку жевать.

Дик Бенц солидно кивнул, принимая условие.

– Теперь деньги, – продолжал боцман. – Во-первых, каждому его доля в выручке. Обычная, какая в Торговом уставе обозначена.

Дик вновь кивнул, даже взглядом не выдав своей неопытности. Конечно, он знал, что небоходы на борту частного грузовоза получают втрое меньше, чем в экипаже королевского судна, зато имеют право на долю в прибыли. А вот какова эта доля – Дик не знал. Впрочем, какая сейчас разница? Все равно Торговый устав придется прочесть, и очень внимательно...

– Матросы на «Облачном коне» получали по коронету в месяц, а я, боцман, – полтора. Юнге в месяц платили десять делеров.

– Я получал восемнадцать делеров, – влез с уточнением наивный Филин. – Капитан Джанстен сказал: «Да у меня руки отсохнут, если я буду илву платить, как человеку».

Мара метнула на него свирепый взгляд: мол, кто тебя, дурака, спрашивал?

– Виноват, – поправился боцман. – Филину платили на два делера меньше. Хотя он плотник, каких и на королевском флоте не сыщешь.

– У меня руки не отсохнут, – щедро ответил капитан. – Коронет так коронет. Дальше давай.

– Пастушка получала два коронета, погонщики – по три.

– Погонщики? Их было двое?

– Двое, но один удрал с капитаном.

– Ну, вроде про всех знаю... о, прошу прощения, сеорета... то есть мы повара забыли. Как всем матросам, коронет?

– Нет, – ответила Лита безмятежно, – я получала три с половиной коронета в месяц.

Команда притихла, ожидая капитанского вопроса. Но Дик ответил легко и просто:

– Принято, три с половиной.

Леташи переглянулись, а Отец с тревогой подумал, что им предстоит многое узнать об этом мальчишке, который взялся ими командовать.

Тем временем капитан доел лепешку и перевел разговор на другое:

– Я в игорном доме не весь день сидел. Бродил по городу, беседовал с людьми. Все один к одному сходится: корабль ваш спалили по приказу эдона Манвела ду Венчуэрры.

Леташи изобразили вежливое внимание. Не скажешь ведь капитану: «Тоже мне, открыл дорогу до столицы! Да об этом весь город говорит...»

– Об этом весь город говорит, – озвучил Бенц мысли своего экипажа, – а я нашел очевидца.

Внимание команды стало искренним и острым.

– Этот очевидец для суда не годится, – разочаровал летащей капитан. – Мальчишке десять лет, к тому же отец ему велел намертво забыть все увиденное. Но монетки хорошо освежают память.

– Ну и чем нам это поможет? – не понял Хаанс.

– А тебе не интересно, кто именно спалил твой корабль? – обернулся к нему Бенц. – Не сам же эдон Манвел подошел к «Облачному коню» на лодке и послал на палубу две зажигательные стрелы!

– Кто?! – страшно выдохнул боцман.

– Мальчишка с приятелем выбрался тайком от отца на ночную рыбалку. Они видели лодку и двоих стрелков, испугались и принялись грести к мысу. Отец мальчика – кабатчик, у него заведение у мыса.

– «Оловянная кружка», – догадался Хаанс.

– Она самая. А лодка с поджигателями пошла прямо к пристани.

– Но ведь пристань охраняется! – ахнула Лита.

– Значит, охрана старательно отворачивалась, – грустно усмехнулся Отец.

– А потом мальчишки увидели тех же двоих мужчин, когда те прошли мимо кабака. У дверей всю ночь горит фонарь, заведение открыто в любое время. Мальчишки притаились в темноте за поленницей: испугались, что поджигатели пришли за ними. Одного мальчик узнал по шраму на лице. Этот человек пару раз заходил к его отцу в кабак – Хозе Сончес по кличке Порченый.

В полной тишине боцман Хаанс присвистнул.

– Знаете гада? – обратился Бенц ко всем сразу.

– Да кто ж его не знает? – ответил Отец. – Один из вельмож здешнего «короля без короны», эдона Манвела... Хаанс, даже думать не смей!.. Мне, может, тоже хочется посмотреть, какого цвета потроха у этой сволочи. Но я не желаю, чтобы тебя заживо скормили крабам. А вы, сударь, не надейтесь, что городской судья будет слушать десятилетнего мальчишку. Судья у дона Манвела из рук жрет.

– Да я и не надеюсь, – горько усмехнулся Бенц. – Думаю, судья бы как-нибудь извернулся, даже если бы сам Хозе Сончес ему начал рассказывать про зажигательные стрелы... Нет-нет, это я к слову, я ж понимаю, что от этого подонка правды не добьешься...

Внезапно подал голос Филин. До сих пор он сидел молча, переводя глаза с одного говорящего на другого и пытаясь разобраться в невысказанных сплетениях человеческих отношений. Но тут он вмешался в разговор:

– Правды можно добиться от любого человека.

– Ты про пытки? – без особого интереса спросил капитан.

– Пытки?.. А! Нет. Я про зелье. Можно приготовить состав, дать его выпить человеку – и он начнет говорить правду. И не сможет промолчать.

– Колдовство илвов? – азартно вскинулся Дик. – И ты можешь состряпать такое зелье?

– Могу.

– А если человек выпьет твое снадобье – через какое время он начнет говорить правду?

– Сразу.

– Для суда не годится, – покачал головой Отец. – Никто нам не позволит на глазах у судьи чем-то поить свидетеля.

– Но я же сказал, что не рассчитываю на суд! – воскликнул капитан. – Я просто хочу знать все. Нам нужен корабль? Нужен. Эдон Манвел должен нам за «Облачного коня»? Должен. Вот с него мы и стряхнем денег на новое судно.

Никто не обратил внимания на сорвавшееся у Бенца с языка «должен нам». Дик настолько проникся трагедией команды, потерявшей корабль, что искренне считал это собственной бедой.

– И как же мы будем стряхивать этот должок с эдона Манвела? – поинтересовалась Мара.

– Учитывая, что у мерзавца под рукой орава головорезов, – напомнил погонщик.

– Пусть ему от этого будет лучше! – засмеялся Дик. – Пусть он от этого крепче спит! Когда я закончу с ним разбираться, ему нечем будет заплатить своим головорезам!

– Один такой уже пытался разобраться с эдоном Манвелом, – негромко сказал халфатиец. – Его нашли в лесу, неподалеку от городской стены. Он был привязан к березе собственными кишками.

Все притихли. В сарае словно повеяло ледяным ветром.

Не смутился только Дик Бенц.

– Ну, мои кишки пока при мне, – легкомысленно заявил он. – И еще посмотрим, кто доберется до чьего брюха.

«Мальчишка! – взвыл про себя Отец. – Ему только деревянной шпагой бурьян рубить, в войну играть!»

А Бенц дожевал остатки угощения и ловко, не опираясь на руки, встал.

– Словом, там поглядим, – подвел он итог разговору. – Сначала надо узнать побольше... Стоняй, юнга, за водой, умыться бы перед сном...

Паренек вскочил на ноги и браво отозвался, как положено леташу, получившему приказ:

– Да, капитан!

– Тащи сразу два ведра, умыться все захотят, – уточнил Отец, который знал, что Олуху приказ надо растолковывать (с парнишки станется приволочь кружку воды).

Обернулся Олух мигом. Он приладил себе на плечи на манер коромысла какой-то шест, приволок на нем два больших ведра и просиял от похвалы.

Но и двух ведер не хватило. Первыми мылись – по чину – капитан, погонщик и боцман. На Хаансе вода закончилась.

– Волоки еще! – велел Райсул.

Юнга весело приладил на шест пустые ведра, поднял шест на плечи и кинулся бежать – но тут нога его поехала по мокрой земле. Олух потерял равновесие, дернулся, чтобы не упасть. От резкого движения шест крутанулся, с конца его сорвалось ведро и полетело в капитана, стоящего у стены сарая. Бенц шархнулся в сторону, и ведро врезалось в стену – точно в то место, где он только что стоял.

Олух захлопал глазами, соображая, что же он натворил. Команда подобралась, напряглась.

Капитан спокойно поднял ведро, бегло взглянул: цело ли?

– Плохо метишь, – сказал он ровно. – Промахнулся.

Юнга заметался взглядом по сторонам: куда удрать? Но не посмел кинуться наутек. Упал на колени прямо в грязь, закрыл голову руками.

Погонщик шагнул ближе:

– Сударь, уж простите мальчика. Он худого не хотел, просто поскользнулся...

И замолчал под взором капитана. Старик не ожидал, что веселый юноша Дик Бенц может глядеть так сурово и тяжело.

Команда придвинулась ближе, каждый готов был вмешаться... нет, на капитана руку поднять немислимо, но вот самому под удар сунуться, мальчишку прикрыть...

Капитан перевел взгляд на юнгу:

– А ну, встать, живо...

Он не крикнул, но тон был такой, что мальчишка разом поднялся на ноги, будто его дернули за шиворот.

– Не смей больше на коленях стоять! Никогда! – Капитан говорил негромко, но вокруг него словно полыхали незримые молнии. – Ты небоход. Ты на землю сверху вниз глядел, тебе облака под сапоги стелились. Тебе нельзя ни у кого в ногах валяться – понял, летаешь?

Юнга закивал, не в силах вымолвить ни слова.

– Как тебя зовут? – спросил Дик Бенц обычным голосом. Склонив голову набок, он разглядывал юнгу так, словно видел его впервые.

– О... Олух, – выдавил из себя мальчишка.

– Это прозвище, а имя?

Юнга застыл с разинутым ртом.

Бенц обернулся к погонщику. Старик развел руками: мол, чего нет, того нет...

– Худо, – вздохнул Дик. – Прозвище есть у любого леташа, но имя... это так важно для человека...

* * *

Как наяву, услышал Бенц неспешный голос деда:

«Имена определенно влияют на судьбу. Вот меня зовут Бенетус: спокойное, мягкое имя, его носил некогда король Бенетус Мудрый. Имя для рассудительного, уравновешенного человека, книжника и философа... Ну, почему я позволил жене самой выбрать имена детям! Она назвала сына Рейнардом. Как знаменитого разбойника Рейнарда Худи, про которого бродяги и бездельники поют в трактирах баллады... Вот и вырос головорез! Подался в наемники. А может, и в разбойники, откуда мне знать... А дочку назвала Мирандой. Как ту сказочную принцессу, что на хрустальной колеснице летала из страны в страну и всех пленяла своей красотой. Вот теперь она и порхает... пленяет галерку и партер... Нет уж, внуку я дал имя сам! Человек с таким именем всегда будет знать свое место и не потянется за несбыточными мечтами. Самое короткое имя, какое я знаю. Даже уменьшительное – Дикки – в два раза длиннее...»

И свой детский голосишко, звенящий яростью:

«Я излуплю любого, кто посмеет назвать меня Дикки!»

Мальчуган знал, что имя Дик похоже на звук стрелы, сорвавшейся с тетивы арбалета. Или на крик потревоженной таумекланской птицы. Или на первый, пробный удар шпагой о шпагу противника.

Но деду этого было не понять...

* * *

Дик заговорил спокойно и властно:

– Слушай и запоминай на всю жизнь. С этого мгновения тебя зовут Рейни. Запомнил? Рейни. И назван ты не в честь какого-нибудь хрена огородного, а в честь Рейнарда Бенца, лучшего на свете фехтовальщика, задиры и буяна. Он проткнул своею верной шпагой – вот этой, что сейчас у меня на поясе! – больше мерзавцев, чем ты месяцев живешь на свете, и смог бы даже демона загнать под стол. Но Рейнардом я тебя звать не буду, это еще надо заслужить. Понял, Рейни?

Юнга понял. Достаточно было взглянуть на его широченную, от уха до уха, улыбку. И на сияющие синие глазищи, которыми он уставился на Бенца так, словно перед ним стоял не капитан, а кто-то из четверки Старших богов.

– Отвечай как положено!

– Да, капитан!

– Ну, раз понял, так бегом за водой!

Дик Бенц обернулся, обвел взглядом безмолвно взирающую на него команду:

– А вам всем тут что – бродячий цирк? Давайте-ка к хозяину за матрасами. Да выбейте их как следует.

Команда повиновалась сразу и без единого слова.

Только Лита задержалась.

– Капитан, – спросила она смущенно, – вы ни о чем не хотите меня спросить?

– Нет, сеорета. Все, что вы захотите, вы расскажете мне сами.

– Вот сейчас и расскажу. Как вы хотите – коротко, в двух словах? Или всё, чтобы вы могли понять, почему я вынуждена была отказаться от судьбы, уготованной мне моим рождением?

– Я с благодарностью выслушаю любые подробности, которые вы решитесь мне доверить.

– Ну что ж... В углу двора лежат бревна, давайте там присядем: рассказ будет долгим. Вы не удивились, когда я сказала, что получала три с половиной золотых в месяц?

– Я не удивился. Я обрадовался. Так обрадовался, что сам себе не верю. Сеорета, неужели в моем экипаже – погодник?

– Не называйте меня сеоретой... Да, я действительно маг-погодник.

2

*– Брось плакать, слушай, прекрати,
Кончай реветь – а там уж
Изволь, как велено, пойти
За лорда Фрэнка замуж.*

В. Скотт

– Вы помните, сударь, что я жила в Белле-Флори в доме моего дядюшки Антанио. Других родственников у меня не было, после смерти родителей я не унаследовала почти ничего. Дядюшка, человек одинокий и великодушный, принял на себя заботы об осиротевшей племяннице. Сначала он просто передал меня на попечение гувернантки и двух служанок и беседовал со мной лишь за столом: коротко расспрашивал о моих успехах в учебе. Да и о чем бы ректору Королевской академии, известному ученому и в прошлом бывалому небоходу, разговаривать с девчонкой-подростком? Что у нас было общего, что нас связывало, кроме фамилии?

Все изменилось, когда во мне проснулся магический дар. Дядя словно впервые заметил мое присутствие в доме. Я перестала быть куклой, которую надо наряжать, сажать за стол и выводить в сад на прогулку. Теперь я могла стать небоходом, как сеора Агвилья диль Кампороссо, прославленный маг-погодник, героиня битвы у Черной скалы.

Дядя Антанио посоветовал мне никому не рассказывать о происходящих во мне перемен: бывает, что дар дает о себе знать, а потом погибает, не развившись. Но он нашел книги о совершенствовании магических способностей, следил за моими занятиями и радовался моим успехам. Попутно принялся обучать меня тому, что не обязательно знать юной барышне, но что понадобится небоходу: астрономии, географии, метеорологии. Он словно помолодел, начал улыбаться и шутить. Говорил, что фамилия диль Фьорро не отзвучала над облаками. Взял меня в прогулочный полет над заливом и был в восторге оттого, что я не боюсь высоты. Обещал поднять все свои связи, чтобы меня зачислили в экипаж лучшего из кораблей королевского небоходного флота. И зачислили бы! Даже без дядюшкиных связей, потому что магов-погодников не то что в Илли, а на всей Антарэиди по пальцам можно пересчитать.

Увы, как сказал один из философов, которых любит цитировать Отец, человеку кажется, что он видит свою жизнь на много лет вперед, но он не знает, что ждет его за углом...

Мне исполнилось шестнадцать... Да-да, сударь, конечно, вы помните этот день. Праздник и впрямь был восхитителен, хотя и не стоило вам ради унесенной ветром вуали лезть на статую Ригардо Непреклонного... Ах, как же я веселилась в тот день – и не знала, что это был конец моей прежней, беззаботной жизни.

Шестнадцать лет. Совершеннолетие.

Через день после праздника к дяде приехали гости: Джироламо диль Каракелли и его младший брат Зиберто. Сеор Джироламо владеет замком и землей неподалеку от Буоно-Верде. Насколько я поняла, он давно был знаком с дядей Антанио.

Слуги (не все, но многие) – болтливый народ, господские секреты ценят дешевле пригоршни орехов. Моя служанка Лючия, хорошая и преданная мне девушка, поболтала немного со слугами приезжих сеоров – и вечером, с круглыми от волнения глазами, рассказала то, что ей удалось узнать. Оказывается, сеор Джироламо приехал, чтобы посватать меня за своего сына Фрэнцио.

Новость взволновала и меня, но не испугала. Я знала, что знатных девушек рано выдают замуж, причем редко это происходит по любви. Но, подумала я, если дядя Антанио сочтет жениха подходящим, он наверняка предупредит сватов о моем даре. Может быть, даже в брачный контракт включит условие, что супруг не запретит мне летать. Маг-погодник в семье – этим можно гордиться, как гордятся потомки сеоры Агвильи диль Кампороссо.

Но оказалось, что Лючия выложила мне еще не все новости. Она узнала кое-что ужасное: жених с детства слабоумный, к тому же ему нравится мучить любое живое существо, которое попадет к нему в руки. А однажды, когда за ним не углядели, он ткнул слугу в лицо раскаленной кочергой.

Лючия так переживала, рассказывая мне все это!

А я – я рассмеялась. Значит, в ближайшее время можно не думать о замужестве. Мне даже не придется отказывать этим Каракелли: за меня это сделает дядя Антанио...

На следующий день сеор Джироламо и дядя уединились в дядюшкином кабинете, а сеор Зиберто предложил мне прогулку по саду. Из вежливости я согласилась, хотя мне было неприятно общество этого человека и даже пугал его волчий, жесткий взгляд. Он был гораздо младше своего брата и, пожалуй, даже красив: правильные черты лица, хороший рост... Но когда он произносил обычные любезности, принятые в обществе юной барышни, казалось, что они даются ему с трудом, что ему хотелось бы говорить гораздо резче и грубее.

Едва мы остались одни, сеор Зиберто рассказал мне, что именно обсуждают сейчас его брат и мой дядя. Ничего нового он мне не сообщил, но я выразила приличествующие случаю удивление и смущение.

Если бы я полагала, что дядя даст согласие на мой брак, я, разумеется, сходила бы с ума от волнения и любопытства и старалась бы выведать у сеора Зиберто хоть что-нибудь о женихе. Но я была уверена, что завтра эти люди исчезнут из моего дома и из моей жизни, а потому испытывала лишь раздражение и, как ни странно, скуку.

Чтобы быть учтивой, я спросила:

«Могу ли я узнать, почему такая честь оказана именно моей скромной персоне? Полагаю, и в самом Буоно-Верде, и в его окрестностях есть девушки с куда большим приданым и куда более красивые, чем я».

Взгляд, брошенный на меня сеором Зиберто, был откровенно кислым. Видимо, на него действительно не произвела впечатления моя заурядная внешность. Но тут же он спохватился, принял весьма таинственный вид и поведал мне о том, что двадцать лет назад некий прорицатель, проживающий в замке Каракелли, сделал невероятное предсказание, сулящее всему семейству Каракелли нечто потрясающее. Но добавил, что сбудется это пророчество не скоро и лишь при соблюдении в будущем ряда условий... Все члены семьи Каракелли, мужчины, женщины и дети (в том числе и сам Зиберто, которому было тогда девять лет), принесли торжественную клятву, что не пожалеют ни денег, ни сил, ни, если надо будет, жизнью своих, чтобы эти условия были соблюдены и пророчество исполнилось...

Тут сеор Зиберто сделал паузу, ожидая, вероятно, моего вопроса: а что, собственно, посулил прорицатель семейству Каракелли?

Но я не чувствовала даже простого любопытства. Лишь скуку и отвращение. Какое мне дело до того, что мошенник пообещал глупцам? Корону Иллии? Власть над миром? Ведро земляники?.. Меня это не касалось.

Не дождавшись вопроса, сеор Зиберто сообщил, что их потомкам суждена власть над миром (я верно угадала!) и что одним из этих условий был брак Фрэнцио (которому в день пророчества не было и года) и дочери Маурицио диль Фьорро (который тогда не был еще женат). С тех пор Каракелли выжидали своего часа. Известие о том, что сеор Маурицио женился, вызвало в замке бурную радость, а рождение его дочери было отмечено праздником...

Тут я не выдержала. Сказала, что все это удивительно и трогательно, но поднимается ветер, а я без накидки, так что лучше нам закончить эту приятную беседу и вернуться в дом.

Лицо сеора Зиберто исказилось, он вцепился мне в руку (так, что потом я увидела под рукавом синяки) и яростно заговорил о том, как важна предсказанная свадьба для Каракелли. О том, что они не отступятся. О том, что мне придется выполнять супружеский долг лишь до рождения наследника, которому предсказана великая судьба, а потом я получу полную свободу, щедрое содержание и фамильные драгоценности Каракелли.

В первый миг я испугалась, но тут же растерянность сменилась гневом. Я потребовала, чтобы гость отпустил мою руку, иначе я закричу, созову слуг, пожалуюсь дяде... Сеор Зиберто разжал свои железные пальцы, и я ушла, не сказав ни слова.

Вечером я, захватив вязание, пошла в кабинет дяди. К этому времени мне уже было дозволено делить с дядей Антанио вечера. Он работал за письменным столом, я рукодельничала в кресле у камина. Обычно мы молчали, нам было и без слов хорошо вдвоем. Но иногда мы вели неспешные беседы.

В этот вечер я в шутовском тоне пересказала дяде разговор в саду. При этом я не отрывала взгляда от вязания, потому что не хотела нарушить сложный узор.

А когда закончила рассказ и подняла глаза, то увидела, что дядя плачет.

Я никогда этого не забуду. Мой дядя Антанио, сильный, умный, волевой человек... Он сидел неподвижно, словно окаменел, а по лицу его текли слезы. Невыносимо было на это смотреть.

А потом дядя встал и молча вышел из кабинета.

И вот тут я впервые в жизни узнала, что такое настоящий страх. У меня вязание выпало из рук, и не было сил поднять его. Я поняла, что моя участь решена. Дядя Антанио мне не защитник. Не знаю, как эти негодяи взяли над ним власть. Он много им задолжал? Не думаю. Дядя был человеком не только великодушным, но и гордым. Он скорее продал бы дом и поселился в каморке на чужом чердаке, чем стал бы оплачивать долги счастьем племянницы. Возможно, Каракелли знали о нем что-то ужасное? Не представляю себе, что бы это могло быть...

Может быть, дяде нужна была моя помощь. Но я решила: у благодарности есть границы. Мне с болью далось принятое решение, но я и сейчас считаю его верным. Окажись мой жених старым, уродливым, обладай он тяжелым нравом – я поплакала бы втихомолку и вышла бы за него. Но стать женой этого... этого...

В спальне меня ожидала Лючия, приготовившая воду для умывания и постель. Но я попросила ее принести самое простое из моих платьев и добыть мне ключ от садовой калитки.

Верная и смелая девушка одобрила план побега, но предупредила, что если я не возьму ее с собой, она поднимет шум и разбудит весь дом. Я не смогла отговорить Лючию от этого самоотверженного поступка, да, по правде сказать, не очень и отговаривала. Страшно было пускаться в путь, я ведь ни разу не покидала дом одна.

Умница Лючия посоветовала мне уйти из дома ближе к утру: ночью городские ворота заперты, а бродить по улице в темноте опасно.

Мы исчезли на рассвете и сумели покинуть Белле-Флори прежде, чем нас хватились и снарядили погоню.

Я вспомнила о своей кормилице, которая жила в городке Алвенио, что на границе с Джермией, и решила, что она не откажется приютить меня...

Как же наивна и простодушна была я, затеявая побег в одиночку! Я не ушла бы дальше Виноградного Предместья без моей дорогой Лючии, которая была старше лишь на год, но жизнь знала куда лучше.

Деньги у меня были: дядя Антанио подарил в день совершеннолетия два новеньких коронета на всякие, как он выразился, девичьи прихоти. Ах, как намучились мы с этими монетами! Легко ли в дороге разменять золотой, да так, чтобы не вызвать у встречных ни удивления, ни подозрения, ни злых намерений! Хорошо, что у Лючии было немного меди.

Вечером, перед побегом, Лючия вспомнила, что я не успела избрать для себя небесного покровителя, а пускаться в путь без божественной защиты попросту глупо. До утра я не сомкнула глаз, размышляя: кому из Младших богов мне вверить свою судьбу? Еще недавно это не вызывало сомнений: конечно, Лаине Ласковой, богине замужних женщин, хранительнице мира в семье... Но теперь я уже не доверяла Лаине.

Неподалеку от городских ворот высился храм Антары, а рядом приткнулись под навесами несколько жертвенников Младших богов. Среди них был и жертвенник Лаины, но я на него только мельком глянула. Меня словно кто-то взял за руку и повел к жертвеннику Виариты Плетельщицы Дорог, покровительницы странников. Я преклонила колени перед жертвенником, попросила Виариту стать моей заступницей перед Старшими богами и купила у жреца талисман на цепочке. Он и сейчас со мной.

Лючия рассердилась. Она сказала, что покровительство Плетельщицы Дорог нам понадобится только до Алвенио, а потому незачем связывать себя на всю жизнь с этой, как она выразилась, бродяжьей богиней. Но я и тогда знала, и сейчас знаю, что поступила правильно. Разве сейчас моя жизнь – не бесконечная дорога?..

Вскоре Лючия признала, что Виарита явила мне воистину материнскую доброту и заботу. Мы не рискнули купить место в дилижансе, чтобы не навести на свой след погоню, и шли пешком. Плетельщица Дорог хранила нас от опасных встреч, от диких зверей, от болезней в пути. А я горжусь тем, что достойно, без нытья переносила все дорожные тяготы. Мне никогда до этого не приходилось столько ходить, но я не жаловалась на усталость, не пугал меня даже ночлег в лесу, если оказывалось, что постоялый двор, на котором мы собирались остановиться, набит опасным сбродом.

Наконец мы добрались до Алвенио – и у самых ворот едва не нарвались на сеора Зиберто.

Он прискакал, чуть обогнав нас. Мы слышали, как он сулил стоящим у ворот стражникам по золотому, если те углядят двух девиц...

В это время у ворот остановилась телега, на которой горой громоздились мешки. Благослови Антара Кормилица того крестьянина, который привез в город свой урожай! Его телега спасла нас. Мы стояли за тюками, и если сеор Зиберто вскользь бросил на нас взгляд, то не узнал меня: на мне был платок, повязанный, как у крестьянок, закрывавший лоб и щеки.

Когда сеор Зиберто в сопровождении нескольких верховых въехал в город, мы не рискнули последовать за ним.

Лючия напомнила мне, что злодей Каракелли не видел ее и может узнать только меня. А потому она оставила меня в придорожном лесу и пошла в Алвенио. А я сидела на пне и размышляла о положении, в которое угодила.

Отправляясь в путь, гонимая отчаянием, я не подумала о том, что для закона я – все равно что беглая рабыня, хотя в Иллиии рабства уже нет. Да, мне шестнадцать, я могу выйти замуж – но право на самостоятельную жизнь обрету лишь в двадцать. До этого времени мой опекун имеет право разыскать меня в любом уголке Иллиии и возвратит домой. У меня было лишь два пути спасения: либо немедленное замужество – смешно, правда? – либо бегство в один из вольных городов. Я помнила урок географии: ближайшим из них был Порт-о-Ранго.

На карте, вставшей перед моим мысленным взором, он был совсем рядом: идти по дороге из Алвенио, добраться до перевала через Хэдданские горы – там граница с Джермией. Затем путь по джермийской земле – и там, где сходятся границы Джермии и Спандии, на

берегу Спандийского моря меня встретит Порт-о-Ранго, как сказано в «Землеописании», город, отложившийся от Спандии.

«Отложившийся...» – повторила я старинное слово. Была в нем надежда для меня, отложившейся от семьи...

Лючия вернулась с горькой вестью: моя кормилица недавно скончалась.

Что ж, всплакнула я, попросила Гергену Гостеприимную быть добрее к бедной женщине в царстве мертвых... Теперь нам с Лючией не нужен был городок Алвенио, который обшаривали подручные сеора Зиберто. Мы обошли его стороной и двинулись к видневшимся на юге Хэдданским горам – туда, где за перевалом лежала Джермия...

Ах, я забыла, глупая девчонка, что надо быть осторожнее в словах, когда молишь о чем-то богов! Покидая Белле-Флори, я попросила мою заступницу Виариту довести нас до Алвенио. И она довела, укрыв от опасностей полой своего незримого плаща из ветра и дорожной пыли. Но дальше мы шли уже без ее божественной защиты, а Плетельщица Дорог с насмешкой глядела на двух самонадеянных девчонок, на двух цыплят, что сбежали из родного курятника и уверены, что могут прошагать хоть всю Антарэиди.

Потерю божественной помощи я почувствовала сразу. Если раньше к исходу дня я бодрилась, то теперь шла хмурая, несчастная, с трудом сдерживалась, чтобы не разреветься. Мне придавал силы только стыд перед Лючией. Ведь это был мой побег, моя беда, а служанка делила со мной невзгоды.

И пришлось удирать от пьяных деревенских парней, вывалившихся оравой из придорожного трактира, – у нас с Лючией словно крылья выросли! И пришлось пугать визгом медведя, выглянувшего из кустов на дорогу, – хорошо визжали, медведь в подлеске тропу проломил, удирая от нас...

Но мы не подозревали, что впереди нас ждет кое-что пострашнее встречи с медведем.

Пока мы обходили Алвенио стороной, сеор Зиберто послал часть своего верхового отряда на перевал, к границе.

Мы узнали об этом на постоялом дворе неподалеку от перевала: болтливый хозяин судачил о недавних постояльцах, а те и не скрывали, что служат у Каракелли.

Что было делать двум цыплятам, очутившимся меж котом и хорьком? Вернуться, прошмыгнуть сквозь кольцо облавы... но что потом? Кружить по всей Илли, чувствуя за спиной погоню?

Нет. Моим единственным спасением был Порт-о-Ранго. И единственным путем к нему – путь в обход перевала через Хэдданские горы. Напрямик. Не зная троп.

Эта безумная мысль была порождена отчаянием и испугала меня саму.

Да, я помнила сказки о хэдданских упырях и живых мертвецах. Знала поговорку: «Пропал, как в Хэдданских горах». Но Каракелли я боялась больше, чем колдунов, которыми, по слухам, изобиловали здешние края.

Я сказала Лючии, что она вольна в своих решениях. И без того она много сделала для меня – так пусть возьмет оставшийся неразменным коронет и с моим благословением уйдет куда хочет. А сама я помолилась Плетельщице Дорог и углубилась в лес. Лючия в слезах последовала за мной.

Разумеется, мы, городские глупышки, сразу заблудились в чаще и не смогли бы вернуться к дороге, даже если бы захотели. Три дня бродили мы среди скал, замшелых стволов, цепких кустов. Три дня нас повергал в ужас каждый хруст ветки: кто здесь – медведь, волк, рысь? Три ночи мы спали по очереди: одна дремлет, а другая, со смолистой веткой наготове, сторожит у костерка...

За эти три дня мы лишь раз встретили людей, но и эту встречу пересидели в овраге, прячась под вывороченными корнями упавшего дерева, потому что мужчины, прошедшие по краю оврага, были, судя по речам, разбойниками.

Хлеб и сыр, купленные Лючией в Алвенио, подошли к концу. Нам попадались грибы, но мы не знали, можно ли их есть. Мы не доверяли этому лесу.

На рассвете четвертого дня хлынул дождь, короткий, ледяной и беспощадный, как удар меча. К полудню меня начало знобить, к вечеру мной овладел жар, а ночи я не помню...

Очнулась я на кровати, под одеялом из волчьих шкур. В закрытые ставни оконца колотил ливень, над моим лицом на низком потолке сушились пучки трав. Я хотела спросить, где я и что со мной, но боль стискивала горло, словно ошейником.

Подошедшая к кровати Лючия объяснила, что нас обеих нашел в лесу охотник и принес меня в дом, где живет со своей матушкой.

В сказках все горные охотники – колдуны. Может, и Людвиг был колдуном? Мою служанку этот джермиец быстро приворожил. Лючия рядом с ним менялась: и глаза светятся, и голову выше держит, и походка легкая. Раньше мне не доводилось видеть ее такой счастливой.

Матушка Людвига, травница Хаана, выхаживала меня, как родную дочь. А Лючия по дому да по двору порхала: то пол метет, то воду от родника несет, то козу доит. И все с улыбкой, все с ясным лицом, словно всю жизнь этот дом искала – и наконец нашла.

А когда я окрепла настолько, что решила идти своим путем, старая Хаана сказала Лючии: «Оставайся, дочка. Мой Людвиг будет тебе хорошим мужем».

Сначала Лючия отказалась покинуть меня. Даже слышать об этом не хотела. Но тут уж я ее переупрямила. Ведь хочет она замуж за своего Людвига, хочет, да и как ей не хотеть: молодой, сильный, работающий... молчун, но глаза добрые... да еще свой дом, свое хозяйство...

Лючия сдалась, но поставила Людвигу условие: «Пойду за тебя, если проводишь мою госпожу до самого Порт-о-Ранго».

Поэтому путь через Хэдданские горы оказался для меня если не легок, то безопасен, и ни колдуны, ни упыри не пересекали мои тропы.

В Порт-о-Ранго я пришла под зиму – худое время для летучих кораблей, но доброе для меня. Как птицы, зимовали они на юге, отдыхая в окрестных бухточках. У меня была возможность выбрать для себя хороший корабль.

Но я не выбирала. Я положила на судьбу и заговорила с первым встречным, на котором увидела капитанский шнур. Это и был Джанстен.

Конечно, он не поверил бродяжке, заявившей, что она владеет магией погоды. Но, видно, жила в нем надежда на чудо, раз он решил дать странной девице возможность показать свои способности.

В капитанской каюте «Облачного коня» он расстелил передо мной на столе карту и ткнул пальцем наугад: «Допустим, я иду в Остенхасс. Вдоль гор Пророка. Выйду завтра. Остановиться думаю... ну, где-нибудь в княжестве Заллиген, за Хэдданскими горами, там воды хватает... а потом здесь, на озере Сванзее... Ну, что скажешь?»

В транс я вхожу быстро. Вцепилась в край стола, чтобы не упасть. Накатилась слабость – а голова ясная, звонкая. Стены каюты исчезли, вокруг распахнулся весь мир. Я стояла, как на ковре, на гигантской карте, касаясь каблуками побережья Спандийского моря.

Воздух стал слоистым, текучим, живым. Я видела гигантские струи – они были прозрачными, но не растворялись, не смешивались друг с другом. Я видела то, что Агвилья диль Кампороссо называла Небесной Рекой – могучий западный поток, и впрямь похожий на бурную горную реку с водоворотами: в нем рождались и умирали круговые вихри, двигавшиеся против часовой стрелки.

Я ощущала тепло и холод, которые несут с собой капризные и гибкие воздушные потоки. Я могла потрогать рукой тяжелые туши облаков, сбивающихся, точно овцы в отару,

в длинные полосы – и сходились эти полосы в середине Небесной Реки. Они несли шквальный снегопад.

Но внезапно дивный порядок, установленный богами, был нарушен грубо и жестко.

Я всем телом почувствовала всплеск силы, разлитой в воздушном океане. Увидела, как в смятении спутались нити, которые сплетает Эссея Легкокрылая. Встрепенулась от угрозы, наплывающей с севера.

На другом конце Антарэиди кто-то резко смял воздушные потоки. Чародей? Но какая же нужна мощь... Ведь даже Агвилья диль Кампороссо не смогла бы...

«Не ходи туда, – со стороны услышала я свой голос. – С севера катится ужасный ураган. Он размолотит твой корабль о склоны гор Пророка. И на Сванзее ты не переждешь беду: ураган вывернет озеро до самого донного ила».

«Что за чушь! – рявкнул капитан. – По всем приметам осень спокойная!»

«Ураган перемахнет Хэдданские горы. Порт-о-Ранго он заденет крылом, но Эль-Кабазон, Риллито, Месилла...»

Не договорив, я потеряла сознание.

Да, сударь, я говорю о том самом урагане, что был прозван Безумным. Том, что прокатился через Антарэиди, сея хаос, разрушение и гибель. На побережье он смел в море рыбацьи деревушки Риллито и Мессилу и унесся в океанскую даль. Говорят, что здесь не обошлось без злого колдовства, и я тоже так считаю.

А для меня это бедствие обернулось местом в экипаже «Облачного коня».

Мое появление на борту вызвало кривотолки среди команды. Тогда еще никто не знал, что у меня – повара по судовой роли! – жалованье выше, чем у погонщика. Но все равно это выглядело странно: девица почти ничего не делает, у повара-то немного обязанностей... ну, наблюдателем разве что, а бывает – просто вяжет в закутке, отгороженном для нее и Мары. Раз в несколько дней идет в капитанскую каюту. Через некоторое время капитан на руках относит ее, потерявшую сознание, обратно в закуток.

Каких только догадок не строили леташи! И про жестокие любовные пристрастия капитана, и про ужасные магические обряды, которые он творит у себя в каюте, и даже о том, что Джанстен – упырь.

Мара рвалась поговорить с «этим извергом», чтобы он прекратил меня мучить. Я с трудом ее удерживала.

Наконец Джанстен, чтобы прекратить брожение в умах, собрал команду, посвятил ее в мою тайну и пообещал, что тому, кто будет зря махать языком, он, капитан, этот язык лично выдерет с корнем.

Но болтунов не нашлось. Все обрадовались: погодник на борту – мечта любого небохода.

С тех пор я странствую по воздушным путям и не хочу иного дома, кроме дощатого закутка, который делю с Марой. И не бездельничаю! У меня прекрасное зрение, я отличный наблюдатель. И помогаю юнге. Ну, стряпня – это само собой, научилась готовить на костре. А если ранят кого из экипажа – перевязываю я, у меня легкая рука, оказывается...

А Каракелли так и не отступились от своих нелепых планов. Этим летом устроили мне засаду в одном спандийском городке, в лавке, куда я носила на продажу вещи, которые ухитряюсь вязать в свободное время. Мне еле удалось убежать. Каракелли, наверное, решили, что я кормлюсь рукоделием, и ищут меня через лавочников. А мы в этом порту часто бывали, вот лавочник меня и запомнил... Ничего, пусть ищут. Боцман велел: если я замечу в порту хоть подручных Каракелли, хоть самого сеора Зиберто, так чтоб сразу бежала к нашим летахам. Ребята из этих «властителей мира» тесто замесят и в лепешку раскатают...

Ах, как я разговорилась – уже и стемнело... Как у вас, сударь, хватило терпения дослушать до конца мою невеселую повесть?..

3

*А в заплеванных тавернах
От заката до утра
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.*

Н. Гумилев

Несколько дней команда несуществующего корабля жила случайными заработками и надеждами неведомо на что. Леташи и сами не понимали, почему их злость на юного хвастуна сменилась смутным ожиданием чего-то необычного, яркого, радостного. Уж корабль-то этот парень им должен раздобыть!

А тем временем Хаанс и Райсул носили грузы в порту, Литя вязала, Отец и Мара с песнями и байками обходили кабаки, ильв работал в мастерской. (Мара все же выторговала для него у столяра делер в день.) С каждым днем Филин становился все более настороженным и нервным, словно постоянно ожидал опасности.

Как и в первый день, больше всего денег в «корабельную кассу» приносил капитан. Никто этому не удивлялся. А Райсул однажды, похохатывая, рассказал леташам о случайной встрече со старым знакомцем – Рико Полукровкой, что работал вышибалой в игорном доме «Улыбка удачи».

Вот что поведал ему, белозубо улыбаясь и покачивая медной серьгой, темнокожий вышибала.

* * *

– Это твой, что ли, капитан – Бенц-франусиец? Слушай, где вы такое нашли? Отнесите туда, где взяли, и положите на место. Он вас хорошему не научит.

Ты бы видел, как он впервые заявился в «Улыбку удачи», весь из себя робкий да наивный. Шнура капитанского на нем не было, и не то что наши завсегдатаи – даже старый пес Блошиный Приют, что вечно дрыхнет у крыльца, и тот увидел в нем богатенького юнца в поисках приключений. Такой еще неопытный, не научился строить из себя всеобщего господина и орать: «Я на свои деньги вас всех куплю!»

Хозяину он с ходу доверчиво поведал, что родом он из Ульдамера – маленький городок, захолустный, там ни одного игорного дома нет. Но он все равно карты не впервые в руках держит: по вечерам со своим дядюшкой частенько играл в «двух грифонов» и в «красотку Лилли».

Хозяин даже умилился: ну, котенок забрел на пустырь, где хозяйничает свора бродячих псов!

Сел юный провинциал за стол. Его тут же взяли в оборот Рыжий Альбинец и Помело. Как всегда, пару кругов они сыграли на проигрыш – чтобы протак освоился, чужое серебро в руках подержал, в азарт вошел. Они с третьего круга всерьез за дело берутся.

Мне-то от дверей не шибко видно, как идет игра, а только замечаю, что и третий круг, и четвертый уже – а юнец делеры к себе по столу придвигает. Рыжий Альбинец потирает левой рукой бровь: верный признак – злится. А Помело на весь дом закричал хозяину:

«Эй, Пузан, нашему новому другу везет! Это дело надо обмыть. Каррасинского нам! За мой счет!..»

Я не забуду, Райсул, как ты меня вытащил из заварушки в «Охапке дров» и три проулка на себе тащил, чтоб меня со сломанной ногой стража не сцапала. Так я тебе по дружбе говорю: будешь в «Улыбке удачи» – поосторожнее с каррасинским, особенно если тебе его кто-нибудь ставит. Как бы с того винца у тебя голова не закружилась да в глазах не зарябило!..

Рыбья Кость – помнишь нашу подавальщицу? – мигом обернулась, кубки не перепутала, кому какой подносить. Помело и Альбинец выпили за здоровье и удачу Дика Бенца. А сам он сделал маленький глоточек, поставил кубок на край стола и говорит, улыбаясь до ушей:

«Хорошее какое вино... Играем дальше, господа, пока моя заступница ко мне добра. Она капризница, привередница. Миг – и передумает мне помочь».

«А кто у тебя в заступницах?» – поинтересовался Джек-Левша из-за соседнего стола.

Бенц с готовностью расстегнул камзол...

Ну, ты видел, наверное, – в лавчонках кипами лежат кожаные лоскуты с изображениями Младших богов. Ты-то, халфатиец, можешь не знать, но мы часто нашиваем лики своих заступников на куртки и камзолы – с изнанки, чтоб к сердцу ближе. Во, гляди: у меня Больд Могучий, даритель крепости и силы...

Так вот, распахивает Бенц свой камзол – и глядит на нас Риэли Насмешница, божественная циркачка. Красивая, веселая, в шутовском пестром наряде – и шариками жонглирует, богов потешает. А каждый шарик – судьба человеческая...

Все притихли: где и почитать богиню удачи, как не в игорном доме! А Бенц принялся камзол застегивать – да локтем кубок зацепил, на пол опрокинул. Так огорчился, бедняга, охнул даже!

Рыбья Кость тихонько спросила хозяина: не принести ли гостю другой кубок? А я рядом стою и слышу, как умный и тертый наш Пузан так же тихо отвечает подавальщице:

«Незачем добро переводить. Все равно на полу окажется».

А простак из захолустья продолжает потрошить Альбинца и Помело, как хозяйка потрошит гусей перед копчением. Рыжий Альбинец от злости себе бровь чуть до дырки не протер.

Тут Помело сорвался, начал волну гнать: мол, у франусийца такие пышные манжеты, что полколоды упрятать можно.

Бенц не обиделся. Даже заулыбался польщенно:

«Вы приняли меня за шулера? Ух ты! Дома расскажу – не поверят. Но вы поглядите мои манжеты, обязательно поглядите!»

Но подошел почему-то к Рыжему Альбинцу, ему и руки протянул: мол, проверь!

Альбинец без охоты прошупал манжеты – и продолжилась игра. К концу круга я ближе подошел. Гляжу: Помело кладет поверх расклада двух дам – франусийку и виктийку. Рыжий чуть помедлил и выложил джермийского лучника. А Бенц поверх этой роскоши аккуратно так примостил жоака грифонов. Все, расклад побит!

Рыжий перестал тереть бровь. Глянул на Бенца. На карту с грифоном. Снова на Бенца. И говорит этак учтиво, но твердо:

«Пожалуй, с меня на сегодня хватит. Вы оба как хотите, а я кладу карты».

Помело если и удивился, то виду не показал, тоже прекратил игру. Эти двое давно в паре работают.

А у меня возникло подозрение: пока Рыжий проверял манжеты франусийца, не пропало ли у него самого что-нибудь из рукава или из-за отворота куртки? И не была ли это карта – жоак грифонов?

«Даже отыгаться не хотите? – удивился Бенц, сгребая серебро. – Как это благородно, как по-дворянски... вы ведь оба дворяне, правда? Я это с первого взгляда понял».

Не знаком ты, Райсул, с Помелом и Рыжим, не то понял бы, почему весь игорный дом ржать начал, даже мы с Пузаном не удержались. У этой парочки словно малярной кистью на рожах написано, что родились они в придорожной канаве, а росли на каторге.

Ну, это им как нож в глотку – и деньги упустить, и посмешищем оказаться.

Переглянулись и кинулись нового друга провожать. Альбинец ему дверь открывает, а Помело позади держится, поближе к кошельку.

Тут Бенц шляпу уронил, нагнулся поднять – да головой Альбинцу в живот угодил. Тот от боли пополам сложился. Бенц ойкнул, шагнул назад – Помело как раз ему под каблук ногой попал, до сих пор хромает. Я сунулся вмешаться, – а Бенц пошатнулся, на дверь оперся, так мне дверью в лоб прилетело.

Альбинец за брюхо держится, Помело воет и на одной ноге прыгает, у меня в глазах круги плывут, игроки от смеха на столы повалились.

А твой капитан говорит таким несчастным голосом:

«Ой, какой я неуклюжий! Не надо мне было пить каррасийское вино. Пойду, может, на свежем воздухе полегче станет... Но мне здесь понравилось. Я завтра снова приду, можно? Вдруг опять повезет?..»

Не сомневайся, и на завтра ему повезло, и послезавтра. А потом он перебрался к Джакомо Ньето – по слухам, тамошних стервятников ощипывает.

А наши завсегдатаи хором клянут захолустный городишко Ульдамер, где по вечерам мальчишки играют в карты со своими дядюшками...

4

*Я врагов крупнее жажду,
По зубам и по уму,
Мне из них понятен каждый,
Я не ясен никому.
Я за ними наблюдаю,
Изучаю каждый шаг.
Вы, друзья, мне много дали,
Вдвое больше дал мне враг.*

А. Дольский

Далеко не все деньги, добытые в игорных домах, Дик Бенц вносил в «корабельную казну». И не все время тратил на карты. Он шастал по городу, заводил знакомства (иногда весьма странные), сыпал налево и направо монетами, держал ушки на макушке, а язык на привязи.

Команда узнавала о похождениях своего капитана со стороны. Однажды Райсул и Хаанс принесли из порта рассказ о том, что Бенца на задворках старого склада попытались взять на клинки люди эдона Манвела – «за то, что сует свой острый нос куда не просят». Тут выяснилось, что Дик Бенц умеет драться не только шваброй. Портовый люд злорадно перешептывался: шайка манвеловских прихвостней расплзлась латать шкуры, а молодой франусиец и царапины не получил.

Встревоженный погонщик попробовал урезонить бретера:

– Эдон Манвел опасен, как змея на солнцепеке. Оставили бы вы, сударь, его в покое.

– В покое? Не дождется. Я его издали видел – и узнал. Встречались мы, давно, я тогда был еще мальчуганом. Тогда он за дерзкое словцо попытался меня убить. Всерьез... Ничего, ничего, посчитаемся...

– Не просчитаться бы вам, сударь. Сталь – она сталь и есть, а тех головорезов, говорят, было восемь морд...

– Мой дядя, Рейнард Бенц, – хладнокровно откликнулся капитан, – обучая меня фехтованию, говаривал: «Запомни, племяш: одновременно тебя могут атаковать лишь четверо, а остальные крутятся вокруг и мешают этим четверым».

– А четверых, вам, сударь, неужели мало?! – возмутился старик.

– А четверо – это самое оно, – убежденно ответил достойный племянник Рейнарда Бенца.

Воспоминания о дядюшке навели его на мысль о другом Рейнарде.

– Юнга! Где юнга? Рейни, поди сюда! Где наши покрытые славой боевые палки? Учиться будем или нет?

Какое там «нет»! Юнга уже стоял перед ним, держа в руках две длинные палки (пусть и не покрытые славой, но вполне боевые) и глядел на капитана влюбленными глазами. Как бы ни был Бенц занят своими таинственными делами, перед сном он выкраивал время, чтобы позаниматься с мальчишкой фехтованием.

– Не стой на месте, колода! Двигайся! Остановился – ты покойник! Не пялся на мои руки! В лицо гляди, в лицо, тогда всего противника будешь видеть – и руки, и ноги... Опять встал?!

– Сударь, оставили б вы Олуха в покое, – посмела заметить капитану дерзкая пас-тушка. – Он и так умаялся, как каторжник в руднике. Весь день прачкам воду таскал.

– Мара, не лезь в наши с ним дела. Шпага – это не твой складной ножичек...

– У меня не ножичек, у меня наваха!

– Вот я и говорю: не твой складной ножичек! И хорошо, что умаялся! Меня дядя нарочно заставлял и воду таскать, и дрова колотить. Новичок обычно зажат, плечи и руки словно каменные. А устанут руки, так зажиматься перестанут... Рейни, куда повернулся?! Всегда помни, что противник может быть и за спиной. Перед глазами одно чучело маячит, а сзади, может, другое подбирается! Вон стена сарая – к ней постарайся спиной встать, она уж точно на тебя не набросится! А ты, Мара, чем людям под руку бубнить, ужин собери!

Мара ворчала, но невольно любовалась украдкой легкими движениями капитана. Если обычно Дик Бенц смахивал на востроносую птаху, веселую и любопытную, то с оружием в руках – даже с палкой! – он если и походил на птицу, то на опасную, способную заклевать противника...

А юнга заметно изменился с того дня, как получил имя. Чужому человеку он и сейчас показался бы забитым недоумком, но леташа удивлялись: ай да Олух! И держится прямее, и не шарахается от каждого резкого движения, и даже иногда в глаза глядит. Набрался смелости бегать по соседям и спрашивать: не надо ли воды натаскать или дров нарубить? И каждую заработанную полушку гордо несет в «корабельную казну».

Однажды юнга расхрабрился настолько, что задал вопрос халфатийцу:

– Райсул, а почему вас дразнят «корноухими»?

Тут же прикрыл голову руками, ожидая удара... но ведь спросил же, спросил о том, что разжигало его любопытство!

Леташ не обиделся. Он откинул длинные черные волосы и показал мальчику ушную раковину, край которой был косо срезан, так что ухо казалось заостренным. И обстоятельно объяснил:

– Мои предки родом из Агриана, с материка, который вы называете Эссеиди, «владения Эссеи», а мы называем Вайя-ах, что означает «широкая земля». Когда четыре сотни лет назад в Агриан пришел пророк Халфа и провозгласил заветы Единого, некий правитель города, имя которого мои предки не сочли нужным запомнить, приказал страже схватить пророка и отрезать ему часть уха – так в Аргиане метили мошенников и злонамеренных лжецов. В тот же день Единый покарал правителя страшной болезнью: нечестивец гнил заживо, мясо отваливалось от костей... А пророк увел истинно верующих сюда, на Антарэйди, и на восточном побережье милостью Единого дал им возможность основать свою страну – Халфат...

Будь на месте наивного и невежественного мальчишки человек постарше, хоть немного знающий историю Антарэйди, он непременно уточнил бы, что на земле, куда нагрянули последователи Халфы, с древних времен жил народ, которому вовсе не показалось божественным промыслом появление с моря иноземной саранчи. И что халфатийцы огнем и сталью поработили этот народ, вытеснив непокорных за хребет, названный позже горами Пророка.

Но юнга глядел доверчиво и восхищенно. И Райсул без помех закончил:

– С тех пор последователи пророка в день совершеннолетия отсекают себе часть уха в знак того, что для истинного верующего никакое поношение не в позор.

* * *

Однажды ранним вечером, когда все уже собрались в своем временном жилище, капитан взволнованно сообщил, что пришла пора действовать.

– Эдон Манвел ду Венчуэрра покупает шхуну. Новенькую, только со стапелей. Уже и деньги за нее внес старому эдону Диого ду Квинтано. И эта шхуна должна быть моей!

Старый погонщик тревожно глянул на капитана, но промолчал. Остальные притихли, выжидая. И только дерзкая Мара не удержалась:

– Перекупить хотите шхуну, сударь? Неужто клад откопали? Так все равно не уступит вам ее ду Венчуэрра!

– А хоть бы и были у меня деньги, я бы этой барракуде и полушки не дал! – твердо отозвался Бенц. – Он за «Облачного коня» не расплатился. И еще мне... у меня... ну, давняя история, я вам уже рассказывал...

Капитан обвел команду жестким взглядом.

– Говорю сразу: я затеял мошенничество. Наглое. Может, попаду в рудник. Если доведется угодить под суд, постараюсь взять всю вину на себя. Но и тем, кто будет мне помогать, тоже может крепко перепасть поперек судьбы. Кто не хочет связываться с опасным делом – неволить не стану. Верну клятву, что дана в «Попутном ветре», и расстанемся по-хорошему. Даже если останусь один – от своей затеи не откажусь.

Воцарилось напряженное молчание, все замерли: каждый ждал, кто ответит первым.

И тут раздался спокойный голос Отца:

– А что за шхуна-то?

Все разом вздохнули. Никто не поднялся на ноги и не пошел к двери – и каждый в глубине души почувствовал гордость за сплоченность команды.

– Шхуны я не видел, – ответил капитан погонщику. – Маленькая, говорят. Всего два леската. Не «Облачный конь», конечно. Но уж очень удобный случай подвернулся, другого такого не будет.

– Что ж, сударь, рассказывайте, что вы затеяли. Как бы дело ни обернулось, я с вами. Леташи дружно закивали.

– Эдон Манвел уже заплатил за шхуну, – начал Бенц. – Но документы на продажу еще не составлены: ду Венчуэрра не решил, на чье имя делать покупку. Сами понимаете: налоги.

Тут леташам не пришлось ничего растолковывать. Они и так знали: чем больше кораблей у человека во владении, тем больший налог с каждого корабля ему приходится платить в казну. Не только в Порт-о-Ранго – на всей Антарэиди так. И не один ду Венчуэрра покупает для своей эскадрильи корабли на подставных лиц, чтобы сэкономить на налогах...

Оказалось, что капитан не зря сыпал серебро в чужие ладони. Ему удалось узнать то, что было известно не всем даже манвеловским прихвостням. Доверенных людей ду Венчуэрры, которые обычно держали рот на замке, удалось угостить вином с капелькой зелья илвов. Того самого зелья, которое приготовил Филин. Упрямые языки развязались самым отличным образом.

Выяснилось, что ду Венчуэрра колебался, кого сделать хозяином шхуны: Хозе Сончеса, прозванного Порченым (да-да, того самого, что сжег «Облачного коня»), или некоего Ференандо-Без-Промаха (про которого Бенц толком ничего не узнал, ну и демоны с ним!). Оба для ду Венчуэрры – люди верные, исполнители самых подлых дел. Вот эдон Манвел и раздумывал: кого из них шхуной наделить? Это хороший подарок: проценты с прибыли каждого рейса. А если ду Венчуэрра умрет, подставной владделец станет владельцем настоящим...

И тут пришла весть: в Порт-о-Бонито – бунт на верфях. Разрушения и пожары... а верфи-то наполовину принадлежат ду Венчуэрре!

Понятно, эдон Манвел со своими головорезами помчался в Порт-о-Бонито. А Хозе Порченому написал бумагу для эдона Диого ду Квинтано – чтоб на Хозе, стало быть, шхуну записал.

Уехал ду Венчуэрра утром. Но сегодня эдон Диого в своем загородном доме празднует помолвку внучки, вернется поздно вечером. Значит, завтра Хозе Сончес явится к нему с письмом от своего хозяина.

– План-то у меня простенький... – развел руками Бенц, словно извиняясь перед командой за то, что не сумел измыслить нечто хитроумное и запутанное. И принялся излагать свою идею.

Когда он закончил, Отец задумчиво сказал:

– Может получится... Только в самом начале, сударь, вы собираетесь заманить Порченого выпить вина. Это не получится. Я про этого негодяя слыхал кое-что.

– А кто бы мог задержать его по дороге?

– Если верить слухам... Женщина. Красивая женщина. Да не шлюха и не простушка с бедняцкой окраины.

– Да, – кивнул Бенц. – Мне тоже говорили: Порченный млеет при виде знатных барышень. Простолюдинки для него – не то...

– Ну и дурак, – прогудел боцман. – Нашу Мару принарядить, так все эти барышни толпой побегут топиться. Из зависти.

– Нашу Мару принарядить, – тихо повторил погонщик. – Хаанс, сынок, ты умница!

– Мару? – удивился капитан. – Мара, конечно, красавица... но там ведь не только красота нужна, но и хитрость!

– Хитрость?! – взвилась Мара. – Ну да, конечно, я же дурочка из деревни на болоте, в хлеву росла, с лягушками беседовала, в рогожу рядилась – так, думаете? Да я с детства воровкой была! Случайно лет пять назад узнала, что у меня дар – слушать лескатов... не то искали бы вы сейчас свои кошельки!

– А ну, цыц! – прикрикнул на нее старик. – Нашла чем хвастаться, дуреха! – И обернулся к Бенцу. – Сударь, она сумеет. Может, не столичную барышню, но приезжую, из захолустья, точно изобразит. Только ей слуга нужен, знатные барышни редко ходят по улицам в одиночку. Слугой буду я: старик не вызовет подозрения.

– Надо сразу, сейчас снять комнату в гостинице, – тихонько подсказала Лита.

– Правильно, – кивнул Отец. – Пойду и сделаю, пока ночь не настала.

Капитан вытащил кошелек, погонял монеты по ладони:

– Эх, мало осталось. На комнату хватит. На вино для Сончеса. И... и все, пожалуй. Я крепко потратился.

– А платье для Мары?! – вскинула Лита ладони к щекам. – Разве может она в таком виде... в мужских штанах, в рубахе леташа... И Отца надо переодеть. Разве он похож на слугу?

– Со мной просто, – отозвался Отец. – На соседней улице лавка старьевщика, он нас не разорит. А вот Мара... такого платья в той лавочке не найдется. Купить новое – не хватит денег. Занять у кого-нибудь на денек? Так у нас нет знакомой эдоны или эдонеты... Эх, задачка! Правильно говорил король Бенетус Мудрый: человек видит путь до самого горизонта, а споткнется о камень у самых ног...

Бенц закинул руки за голову, откинулся спиной к стене сарая, вытянул длинные ноги и усмехнулся:

– А полководец Гуриандеу Эрревилье сказал как-то: «Колесо, которое скрипит на каждом ухабе, далеко не уедет». Эту задачку я решаю... Слыхали, о чем кричат на улицах зазывалы? В Порт-о-Ранго приехал театр Джоша Борхи. На Галечной улице пустует особняк, театр его снял. Будут давать «Прекрасную таумекланку», «Кинжал и фиалку», «Любимца богов»...

Команда во все глаза глядела на капитана, круто повернувшего разговор на другой галс.

– Ну и что нам за дело до этого балагана? – выразил общее недоумение боцман.

– Что б вы понимали в искусстве, бродяги, – мягко ответил Дик Бенц. Улыбка его стала мечтательной, нежной. – Это не балаган, а очень хорошая труппа. Когда-то в ней играла моя мать.

5

*Чем дольше я странствую по свету,
Тем горше душевный неуют:
На сцене мне подают карету,
А в жизни руки не подают...*

Л. Филатов

– Ах, Дик, таких актрис, как мы с твоей мамой, больше нет. Эти нахальные девчонки, которые сейчас крутят на сцене юбками, не актрисы. Они стреляют глазками в зрителей и подыскивают себе содержателя побогаче. Вот хотя бы Златокудрая Розабелла, которой отдали почти все мои роли, – я предсказываю, что она кончит свои дни в храмовой больнице для нищих! А сейчас ходит королевой, трясет желтыми кудельками... Вы кушайте печенье, милая девушка, кушайте! Давайте я повешу платок на окно: ставни разошлись, сквозит... Ну, для меня-то и это дворец. Все-таки не в фургоне застрять посреди поля в грозу... Ах, кому я говорю про грозу? Вы же оба – небоходы! Как там в «Бесстрашном сердце»?.. «Мне вызов буре бросить не впервые! Со смехом правлю верный мой корабль сквозь ярких молний бешеную ярость!..»

Ни Дик, ни Мара не сказали Сибилле Крэй, что ни один капитан не поведет летучий корабль «сквозь молний бешеную ярость», а переждет непогоду в безопасном месте. А смеется над бурей небоход лишь в одном случае – если он спятил от ужаса и тупо хихикает за миг до крушения.

Не хотелось спорить с доброй хозяйкой. Так славно было сидеть в уютном полумраке и слушать, как по ставням хлещет дождь и как внизу стучат молотки (несмотря на поздний час, плотники сколачивали в просторном холле сцену и ряды скамей для зрителей).

Сибилла и ее гости устроились в крошечной каморке наверху. Должно быть, когда-то это была комнатка служанки. Но Сибилла гордилась тем, что Джош Борха, тиран и деспот, все-таки выделил ей отдельную комнату, а значит, она, Сибилла Лебедушка, все еще одна из звезд труппы. И пусть Борха всячески ее притесняет, пусть Златокудрая Розабелла зацапала лучшие роли Сибиллы и посягает на оставшиеся – все-таки отдельная комната кое-что значит!..

Немногочисленную мебель, которую актеры обнаружили в пустующем особняке, они поделили по комнатам. Сибилле достался соломенный матрас, вроде тех, что служили постелями леташам Дика Бенца в их сарае. На матрасе рядышком сидели Сибилла и Мара, Дику вместо стула предложили бутафорский рыцарский щит, который откуда-то притащила гостеприимная хозяйка, а столом служил дорожный сундучок.

Это бы еще ладно: театр прибыл в город недавно, актеры не успели обустроиться. Но цепкий глаз Бенца заметил другую примету того, что положение Сибиллы в труппе стало шатким: свечи. Миранда Бенц не раз говорила, что скупердяй Борха экономит на всякой ерунде. Например, свечи и дрова выдает чуть ли не с истерикой – и только самым видным актерам труппы, а остальные уж как хотят...

Хорошо, что Дик догадался по пути на Галечную улицу заскочить в закрывающуюся уже лавчонку и купить пару свечей, не то беседовать бы им в темноте.

Но Сибилла держалась бодро. Когда она встретила гостей на пороге своей комнатки и заахала, восторженно всплескивая руками, Дик поразился тому, как мало она изменилась. Возможно, яркий свет предательски выдал бы ее возраст, но сейчас, в мерцании свечи, Сибилла была той же прекрасной волшебницей, в которую когда-то был наивно и горячо

влюблен маленький Дик. Осанистая, статная, белокожая, через плечо переброшена темная коса. А походка плавная – и впрямь лебедушка, правильно ее в театре прозвали.

Бенц умиленно обвел взглядом комнату. Платья и шали развешаны по стенам на гвоздиках, туфли аккуратно стоят в уголке, на двери красуется старая афиша – в полумраке ее нельзя прочесть, но Дик помнит торжественный текст о выступлении несравненной Сибиллы Лебедушки, любимицы четырех королевских дворов, в роли принцессы Кларентины в пьесе «Холодный бриллиант сердца».

Пахло гримом и духами. Дику был знаком этот запах – «Долина цветов». Мама тоже его любила.

Да и вся эта комнатка была – словно для мамы. Как будто здесь всегда ждут Миранду Бенц... нет, Миранду Ветерок, так именовали ее на афишах...

Вот сейчас откроется дверь, войдет она – легкая, веселая, действительно ветерок! – сбросит мокрую шаль и засмеется: «Ох, и дождь на улице! Подвиньтесь, девочки, я рядышком сяду...»

Бенц тихонько вздохнул и погрузился в воспоминания...

* * *

Невелика была у Дика семья – всего-то три человека. И как же мальчик любил всех троих!

Дедушка, без всякого сомнения, был самым мудрым человеком на свете. Во-первых, он был смотрителем книгохранилища, принадлежащего городу Ульдамеру. (Маленький Дик был уверен, что эта должность по важности вторая после королевского сана.) Во-вторых, дедушка был обладателем черной трости с бронзовым набалдашником в виде львиной головы. (Какое отношение эта дивная вещь имела к уму, Дик не знал, но твердо считал трость одним из доказательств превосходства Бенетуса Бенца над прочими горожанами.) В-третьих, дедушка рассказывал о древних героях, правителях и мудрецах так, словно они были его старыми знакомыми. И мальчик не сомневался, что, услышь эти герои и правители речи Бенетуса Бенца, они были бы польщены похвалой или глубоко огорчены порицанием.

Как и подобает мудрецу, дедушка не понимал самых простых вещей: почему тайком пробираться в сумерках на заваленный старыми вещами чердак гораздо заманчивее, чем идти туда же днем вместе со взрослыми; почему романы Неведомого Странника о похождениях отчаянного Бертрана Острой Шпаги (да, насквозь вымышленного, ну и что?) читать интереснее, чем «Жизнеописание девяти великих королей»; почему умение пройти по перилам моста от одного берега реки до другого ценится среди мальчишек куда выше, чем красивый почерк...

Но главное, Бенетус Бенц не понимал, что у настоящего мужчины может быть в жизни лишь одна заветная цель – стать капитаном летучего корабля...

Впрочем, некоторые разногласия не мешали мальчику любить деда. Когда Дик видел, как старик идет по улице в книгохранилище – невысокий, щуплый, в старомодном сером камзоле, какой-то трогательно беспомощный, – внук клялся себе, что никому не даст его в обиду.

А вот дядя – о, дядя в защите не нуждался! Потрепанный бойцовый петух в потертой кожаной куртке и в берете со сломанным пером, ужас тихого провинциального городка. «Головорез, бродяга, разбойник...» – шептались за его спиной добропорядочные обыватели, сроду не державшие в руках ничего опаснее хлебного ножа.

Рейнарда Бенца не одобряли, но втайне восхищались им. Бывший наемник тревожил куцее воображение городка, воплощал в себе иную жизнь – бурную, жестокую, опасную.

Сам дух авантюризма упругой походкой шел по булыжным чистеньким улочкам – жилистый, одноглазый, со сломанной переносицей и шрамом через все лицо.

Наемник, вернувшийся в родной город, зарабатывал уроками фехтования. Когда Бенетус Бенц узнал о затее сына – предсказал ей полный крах. Какое фехтование в Ульдамере? Немногочисленные дворяне с грехом пополам научились у городских стражников держать в руках шпагу. А всем прочим эта забава и вовсе ни к чему.

Но мудрый старик ошибся (как это с ним частенько случалось в житейских делах).

К Рейнарду пошли учиться не только дворяне, которым сами боги велели уметь фехтовать, но и горожане без «деу» перед фамилией – были бы в кошельке деньги на эту причуду. За шпагу брались те, кто и не думал становиться бретером. Зачем? А затем!.. А чтобы!.. И вообще, вам сейчас не времена короля Гуиберта, когда только дворянам дозволялось носить оружие!

Отчасти дело было в желании пофорсить перед соседями. А отчасти играла роль притягательность грубого наемника, который так лихо поминал демонов, так грозно топорщил усы и так сверкал единственным глазом, что любой робкий и законопослушный лавочник сам себе казался разбойником под командой неустрашимого атамана.

Отблеск дядиной славы падал и на Дика – и мальчишка всей душой гордился отчаянным родственником. Лишь один недостаток видел мальчик в дядюшке: Рейнард Бенц не уважал небоходов и считал, что человек должен твердо стоять на земле, а не порхать под небесами...

Понимала мальчика только мать. Дик обожал ее.

Да, слышал он, слышал пересуды соседей: мол, нагуляла ребенка и бросила на руках у старика-отца... На такую чушь мальчуган даже не обижался. Как же бросила, если приезжает в гости?

Каждое ее появление было праздником. Старый дом оживал, даже половицы скрипели не сварливо, как обычно, а весело, музыкально. Все шло кувырком, летели к демонам уроки чистописания, откладывались занятия фехтованием. День превращался в длинную прогулку, и восхищенный Дик раскрывал перед своей королевой тайны морского берега и леса. А вечерами Миранда пела, танцевала, читала забавные и трогательные монологи из пьес. Она затаскивала в игру восторженно вопящего Дика, на скорую руку сооружая смешные костюмы из всего, что находилось в чулане и на чердаке.

Повзрослев, Дик понял, что актрисе Миранде Ветерок требовалось мужество, чтобы возвращаться в город, где ее помнили Мирандой Бенц. Ульдамерцы твердо знали, что родить без мужа – позор, а ремесло актрисы не приличествует уважающей себя женщине.

Но Миранда не пряталась в доме и не опускала глаза при встрече с добропорядочными горожанками. Голову держала высоко, улыбалась весело, с приветливостью, за которой скрывалась дерзость.

Мужчины не смели оскорбить сестру Рейнарда Бенца. А если встреченная соседка что-то зло шипела вместо приветствия, то получала в ответ сочувственное: «Соседушка, дорогая, что-то у тебя с голосом не то... да и цвет лица с моего прошлого приезда хуже стал. То ли желчь разлилась, то ли с мужем собачишься... Надо, надо себя беречь!»

Однажды маленький Дик азартно предложил:

«А хочешь, я им окна разобью? Чтоб тебя не обижали!»

Ответ прозвучал с неожиданной серьезностью:

«Они меня не обидят. Даже если очень-очень постараются – не смогут, не получится.

Для меня не имеет значения, что они обо мне думают. А злятся они так потешно... Меня могут обидеть только семь человек».

«Кто?!» – сжал кулачки сын.

«Те, кого я люблю. Мой отец. Ты. Рейнард. Сибилла. Еще три человека, ты с ними не знаком. Из всех людей на Антарэиди меня могут ранить только семеро. Вот какая я у тебя сильная и неуязвимая!»

Только семеро?

Дик припомнил кое-что. Как на его расспросы о том, кто его отец, мама отвечала ворохом шуток и тащила его на берег собирать ракушки. Как дед пытался наставлять свою дочку на путь истинный – а та бросалась ему на шею, целовала и приговаривала: «У умного отца дурочка родилась!..» Как однажды дядя рывкнул на маму: «Уж мне-то не свисти свои ля-ля, я-то знаю, что вы за птахи – актрисы!» А мама схватила дедушкину трость, весело крикнула: «Ах, так?! Вызываю на дуэль!» – и атаковала брата. Тот расхохотался и принялся отбиваться подушкой с кресла.

Теперь мальчик видел эти случаи в новом свете. Мама боялась обиды от тех, кого любила, и защищалась так, чтобы самой не обидеть их. А на прочих она и сил не тратила.

Дику тоже захотелось стать неуязвимым. Постепенно, не сразу, но научился он не принимать близко к сердцу обидные слова. Не притворяться (это как раз было легко!), а действительно относиться к чужой злости, как к птичьему чириканью.

И если кто-нибудь из мальчишек начинал, повторяя слова взрослых, ехидничать насчет его незаконного рождения, Дик отвечал с насмешкой: «Ну, что ты из-за этого так переживаешь, это же не заразно!»

Понемногу издевки прекратились: какой интерес дразнить того, кто не обижается?

* * *

– Вы молодцы! – горячо сказала Сибилла Крэй. – Нельзя спускать негодяям их подлость! Я бы и сама вам помогла, но я не Златокудрая Розабелла, я сроду не отбивала чужих ролей, а Мара наверняка справится превосходно.

– К тому же, – уточнил капитан, – когда дело будет сделано, Мара вместе с экипажем смоемся из города. А Сибилла Лебедушка останется. Весь Порт-о-Ранго увидит ее на сцене. И Порченый тоже. Так что просто дай Маре платье понаряднее.

– Не только платье. Еще и туфельки, и чулочки. Не подступится же она к этому Порченому в матросских сапожищах! И мантилью дам, и сделаю красивую прическу. Только прошу вернуть наряд через шесть дней. Первой у нас идет «Прекрасная таумекланка». Я там играю злобную шаманку – издевательство, верно? Это происки Златокудрой Розабеллы и тиранство Джоша Борхи. Мне приходится драпироваться в кошмарную рыбацью сеть, на которую нашиты бумажные перья и тряпичные листья!

Дик и Мара выразили ей горячее сочувствие: мол, и в самом деле – издевательство, происки и тиранство...

– А в «Фиалке и кинжале» я играю Мариэтту. Последняя достойная роль, которую мне оставили. И на нее точит зубы Розабелла. Если возникнет какая-то заминка... ну, хоть с нарядом... город не увидит Сибиллу Крэй в роли Чаровницы Мариэтты. А я... а меня...

Голос женщины пресекся. Дик с жалостью подумал: мамина подруга не так неуязвима, как была когда-то Миранда.

Актриса взяла себя в руки и продолжила с напускным спокойствием:

– Скоро заканчивается мой контракт. Для меня важно, чтобы Борха его продлил. Иначе мне некуда идти. Разве что в «Неслыханные зрелища»... но там свои примадонны, там мне маяться на ролях горничных и старых кормилиц... Или приткнуться к бродячей трупке с одним фургоном, работать за ужин и ночлег на постоялых дворах...

Она заставила себя улыбнуться.

– Но довольно о грустном! Мара, девочка моя, встань-ка... о, мы одного роста! И фигура чудесная, совсем как у меня. Дик, брысь на галерейку, полюбуйся, как работают плотники. А мы займемся примеркой.

– Ну вот, как начинается самое интересное, так брысь... – с шуточной обидой пожаловался Дик, вставая с рыцарского щита и направляясь к двери.

Увлеченная затеей Сибилла ему даже не ответила.

– Платье, если что, мы чуточку подгоним, – азартно заверила она Мару, – а вот туфельки... ах, только бы подошли туфельки...

6

*...Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую...*

А. С. Пушкин

Чего опасаться человеку на светлой и людной городской улице? А если этот человек – один из подручных здешнего «короля без короны», так это его пусть опасаются прохожие! Пусть поспешно расступаются, шарахаются прочь, чтоб, сохрани боги, не задеть, не толкнуть ненароком Хозе Сончеса, прозванного Порченым! Не было при Сончесе охраны – какая охрана, зачем?! Даже случайный воришка не потянется к кошельку, жить-то и воришке хочется...

Шел Порченный в прекрасном настроении, песенку насвистывал. И чего бы не насвистывать, если нес он в парчовом кошеле письмо стоимостью в целую шхуну.

Да-да, с этого дня Хозе Сончес становился уважаемым судовладельцем! Вот оно как порой случается: родишься в домишке портового сторожа, вырастешь на задворках кабаков – а судьба тебе за смекалку да смелость этакий подарочек поднесет!

А особо приятно Порченому, что перехватил он шхуну у Ференандо-Без-Промаха, обставил наглого красавчика. Пусть тот хвалится благородным происхождением, пусть его смазливая физиономия еще не разукрашена шрамами... зато шхуна кому досталась? Кому, а?.. Вот то-то!..

И так увлекся Хозе Сончес мысленной беседой с поганцем Ференандо, что не заметил, откуда взялась на его пути красotka – из-за поворота, что ли?

Возникла ниоткуда – и столкнулась с Хозе. Просто врезалась в него!

Сончес шарахнулся в сторону, хотел выругаться... но девушка так жалобно пискнула и так распахнула темные глазищи, что гнев Порченого разом пропал.

Зато девица рассердилась.

– Ваша милость, вы мне на ногу наступили! Мне больно!

И в доказательство, изящно подобрав длинный подол, вытянула пострадавшую ножку – и впрямь, на красной туфельке и беленьком чулочке видна была грязь.

Сончес был не «ваша милость», а всего-навсего «сударь», но поправлять красотку не стал. Да и то сказать: почему бы ей не принять его за дворянина? Принаряжен ради торжественного случая. Шпага на боку такая, что любой эдон с охотой прицепил бы ее себе на перевязь. А шрамы – они мужчине не в укор, они мужчину украшают!

Подобревший Сончес не огрызнулся: мол, смотри, куда идешь! Ответил мирно:

– Так я ж ненароком! С чего бы мне такую ножку оттаптывать?

Ножка и впрямь была хороша. Как и ее хозяйка.

Порт-о-Ранго, как и все вольные города, кишел сбродом всех наций. Кого только сюда не занесло всеми ветрами со всех концов Антарэиди! Да и с других материков разная шантрапа встречается. Но эта темноглазая – спандийка. Хозе сам спандиец, чистую кровь своего народа везде признает. Ай, хороша девка: рослая, стройная, волосы как ночь, глаза как звезды, на смуглых щеках – жаркий румянец.

И нарядная, как куст роз! Юбка черно-красная, белый корсаж отделан алыми лентами, на черной кружевной мантилье – алый шелковой цветок...

Тут рядом с красоткой появился какой-то старый гриб в кожаной куртке, засуетился, заохал растерянно:

– Эдонета, да как же так... Эдонета, извольте на мою руку опереться... Храни нас боги, как же вы до гостиницы дойдете?

– На тебя не обопрешься, – капризно отозвалась барышня. – Ты в труху рассыплешься! А Порченый вскинулся при слове «эдонета». Знатная спандийка, вот как?

Он глянул на девушку иными глазами. Просто хорошенькой может быть и прачка. А тут другое, совсем другое. То, что поднимает эдонету над всяким сбродом. Делает ее недоступной – и желанной, отчаянно желанной.

Когда-то сыну портового сторожа разъяснили, что дворянки – не для таких, как он. С тех пор именно к дворянкам его тянуло, как кота – к настойке мяун-корня.

А ведь сейчас он никуда не спешит, верно? Вчера он ждал, когда ду Квинтано вернется из загородного дома. А сегодня незачем бежать к эдону Диого с утра пораньше. Хозе Сончес – не собачонка, которую поманили косточкой.

– Эдонета, – сказал он с самым рыцарским видом, какой только сумел на себя напустить, – если вы соизволите опереться на мою руку, я провожу вас хоть до гостиницы, хоть на край света!

– Да-а? – с сомнением протянула барышня. – А это удобно? Я впервые в таком большом городе, я не уверена...

– Эдонета, – встрял старый дурак, – вы помните, что говорила эдона Лавренсия? Барышня, оставшись без присмотра родственников, должна еще больше беречь свое доброе имя и дворянское достоинство.

Порченый с трудом сдержал желание дать старикашке затрещину – но через мгновение до него дошло, о чем проболтался дурень. Барышня осталась без присмотра, вот как?

Эдонета украдкой бросила на нового знакомого заговорщический взгляд и томно вздохнула: мол, какого зануду я вынуждена терпеть! А потом решительно положила ручку в перчатке на рукав Сончесу:

– Ваша милость, с благодарностью принимаю вашу помощь. Я остановилась в «Буром кролике», это недалеко. Вы только проводите меня до порога, а потом служанки из гостиницы позаботятся обо мне. – И через плечо добавила с досадой: – Ах, Педро, не будь таким ворчуном!

«Служанки из гостиницы? – отметил про себя Порченый. – Свою горничную, стало быть, барышня в город не взяла?»

Недоумение разрешилось быстро. Барышня оказалась не только хорошенькой, но и разговорчивой. Щебетала всю дорогу до «Бурого кролика».

Оказывается, эдонета Джасинта приехала из маленького поместья, принадлежащего эдоне Лавренсии, ее тете. До поместья дошел слух о смерти дальнего родича эдонеты Джасинты, жившего в Порт-о-Ранго. Пришлось пуститься в дорогу – узнать, не досталось ли ей наследство. Тетя по старости и болезни сопровождать девушку не смогла, а двоих домашних слуг пришлось «поделить»: горничная осталась ухаживать за эдоной Лавренсией, а старый Педро поехал с эдонетой. Был с ними еще дюжий крестьянин Доминго, взятый для охраны, но он в пути заболел, остался отлеживаться на придорожном постоялом дворе. На обратном пути эдонета и Педро его заберут.

Порченый про себя порадовался отсутствию Доминго. Дюжий мужлан мог бы помешать плану, который крутился в голове Сончеса.

А старый Педро помехой явно не был. Плелся сзади и уныло бубнил что-то вроде «видели бы покойные родители» или «что скажет эдона Лавренсия...» Раздражение в Сончесе он будил, еще как, а вот опаски не вызывал совершенно. Старая брюква не помешает его замыслам.

Хозе с каждым шагом уверялся: удача послала ему эту девицу, чтобы отпраздновать поворот в судьбе. Чтобы этот день стал действительно незабываемым. Сначала он получит красотку эдонету, потом – шхуну.

Все складывается удачно, неслыханно удачно, сама Риэли Насмешница приложила к этому свою божественную ручку. Гостиница – подходящее место, чтобы на скорую руку задрать красотке юбку. А старый гриб ей не защита.

Если девчонка будет умницей и ляжет сама, то это лучше всего. Хозе даже на подарок расщедритя, он не жадный и не нищий. А если поднимет визг, так показать ей нож – и заткнется. На шум никто не прибежит: кому надо связываться с подручным эдона Манвела ду Венчуэрры?

Но если все же сбежится народ – нрав-то у Риэли Насмешницы капризный, может и своему любимчику пинка дать! – то Сончес скажет, что эта девица прицепилась к нему на улице, много чего наобещала за три делера, а оказалась мошенницей...

За приятной беседой дошли до «Бурого кролика». Эдонета благонравно отстранилась от Порченого, оперлась на локоть слуги. Жаль. Так славно было чувствовать ее рядом, теплую, молодую, и так приятно было запускать взгляд за ее корсаж!

Скромно, не привлекая внимания, все трое прошли в комнату, где изволила проживать эдонета Джасинта.

Барышня села на стул, вытянув пострадавшую ножку:

– Ой, наконец-то!

– Прикажете кликнуть служанок? – холодно поинтересовался трухлявый пень.

– Не к спеху, Педро. Мы же еще не поблагодарили его милость. – Девушка улыбнулась Сончесу так, что тот растаял, словно снеговик на солнцепеке. – Полагаю, учтивость велит угостить моего спасителя глотком вина? Сходи к хозяину, принеси бутылку... ну, не знаю, самого дорогого...

– Знатной барышне нехорошо оставаться один на один с незнакомым мужчиной! – воспротивился старикашка приказу хозяйки. – Ежели вам угодно угостить его милость, так в шкафчике початая бутылка эфросского... если эфросское не подойдет, то я уж и не знаю, как его милости угодить!

– Полагаю, от бокала эфросского мой спаситель не откажется, – очаровательно склонила головку барышня. – Правда, нет закуски... – И сказала слуге властно, с нажимом: – Ты сходишь вниз за чем-нибудь вкусным!

– Да, госпожа, – неохотно сдался старик. Сончес про себя возликовал.

– А сейчас налей вина в кубок! – приказала эдонета Джасинта, явно гордая своей победой. – Вежливость требует, чтобы гость принял вино из моих, а не из твоих рук. Правда, я не могу встать, но его милости, надеюсь, не трудно будет подойти ко мне?

«Его милость» заверил, что ради прелестной эдонеты ему не в тягость было бы пройти всю Антарэиди, от Виктии до Спандии.

– Вот и славно. Педро, наливай!

* * *

– Я виновата, я! – каялась Мара. – Дура я, капитан! Зелья перепутала... вместо сонного снадобья... у-у, дурища!

– Дурища, – негромко подтвердил «старый слуга». – Лескатам тебе шкуру чистить, а не мужчинам головы дурить.

Хозе Порченый в разговоре участия не принимал: пялился перед собой равнодушным, стеклянным взглядом.

Капитан обернулся к пленнику.

Порченый был жив и весьма разговорчив, если к нему обращались напрямую. Причем говорил только правду. В этом Бенц не сомневался: он уже видел, как действует зелье илвов. Но вот сколько времени будет действовать снадобье – на этот вопрос и сам Филин не смог ответить. Сказал: у каждого по-разному...

Надо было уводить пленника. Но Бенц не удержался от допроса:

– Ты сжег «Облачного коня»?

– Я, – тут же ответил Порченый.

– Один?

– Нет. С Никколо Звонарем.

Пленник ни на миг не задержался с ответами. Голос ровный, равнодушный, взгляд устремлен мимо капитана – на стену, обшитую крашеными досками. Сончес обмяк на стуле. Если бы не связная речь, походил бы на пьяного.

– Как это было?

Порченый так же спокойно и размеренно принялся рассказывать про лодку, ночь и горящие стрелы.

– Сволочь! – выдохнул стоящий у двери Хаанс и шагнул вперед с явным намерением свернуть шею поджигателю, оставившему команду без корабля.

Но Отец встал у него на пути:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.